

АЛЕКСАНДР ИНЕШИН

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВРЕМЯ
И ОБРАТНО

Александр Инешин

Любовь сквозь время и обратно

«Автор»

2026

Инешин А.

Любовь сквозь время и обратно / А. Инешин — «Автор», 2026

Молодой электрик из 2018 года Артем во время ремонта старой ЛЭП попадает в временную аномалию и оказывается в советском 1978 году. Там он встречает Надю — дерзкую деревенскую девушку, которая навсегда меняет его жизнь. Однако их случайная встреча запускает опасную цепочку событий, ломающих пространство и время. На влюбленных объявляется охота, ведь сама реальность пытается исправить эту невыносимую ошибку. Смогут ли герои противостоять законам физики и спасти свои чувства?

© Инешин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	26
Глава 3.	36
Глава 4.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Любовь сквозь время и обратно

Предисловие.

Есть вещи, которые мы понимаем слишком поздно.

Не потому что они сложные, а потому что в будничной суете их легко не заметить.

Мы учимся жить правильно: работать, решать задачи, не тратить лишнего, держаться, не распадаться. Мы учимся быть сильными и рациональными. Мы учимся строить вокруг себя порядок, чтобы стало спокойнее. И в какой-то момент нам кажется, что так и выглядит взрослая жизнь: ровная линия, по которой надо идти.

Но где-то внутри остается другая потребность. Тихая, упрямая, почти детская. Потребность в том, чтобы кто-то был рядом не “по плану” и не “по обстоятельствам”, а потому что иначе невозможно. Потребность в тепле, которое не объясняется пользой. Потребность в любви.

Любовь не всегда громкая. Чаще она проявляется в самом простом: дождаться, удержать, простить, не отвернуться. Она не обещает нам легкой судьбы. Она вообще редко делает жизнь удобной. Зато она делает ее настоящей.

Любовь не принадлежит времени. Она не зависит от эпохи, от привычек, от языка, на котором мы говорим. Она одинаково узнаваема в любой точке истории: по тому, что ради нее человек меняется. Ради нее он становится больше, чем его страх. Ради нее он делает то, что вчера казалось невозможным.

Именно поэтому любовь всегда выглядит как маленькое чудо.

Не потому что она отменяет законы мира. А потому что она отменяет нашу капитуляцию перед ними.

Когда мы говорим “чудо”, мы часто представляем что-то внешнее: вспышку, знак, необычное совпадение. Но чудо редко приходит извне. Чудо — это когда внутри человека находится сила сделать шаг, который нельзя доказать формулами. Когда он выбирает не самый безопасный путь, не самый выгодный, не самый понятный, а самый верный.

Эта книга — не обещание счастливой сказки. В ней есть страх, усталость, ошибки, тяжелые решения. Но через все это проходит одна красная нить: любовь не исчезает даже тогда, когда мир становится холоднее, чем хотелось бы. Она может быть заглушена, спрятана, затоптана правилами и разумными доводами — но она все равно находит щель.

Потому что любовь — не украшение жизни. Это ее источник. Ее энергия. Ее электричество.

Глава 1.

Ухабистая грунтовка то и дело подкидывала старенький ГАЗон, будто проверяла на прочность и машину, и людей в ней. Рабочие в кузове держались одной рукой за что придется, привычно, почти лениво, словно ехали не по ямам, а по памяти. И только Артем, тяжело дыша и вздрагивая на каждой выбоине, цеплялся обеими: то за лавку, то за выступы в кузове. Его пальцы побелели, ногти упирались в железо, а в горле пересыхало так, будто он не ехал, а бежал.

Для Артема это был второй день на новой работе.

Последние несколько лет, после окончания училища, он трудился электриком в районной больнице. Там он знал каждую лестницу и каждый запах: хлорка в коридорах, кислый лекарственный дух в процедурной, теплое железо старых щитков, которые гудят даже тогда, когда кажется, что все выключено. Работать было не пыльно, но и не прибыльно. Когда все окончательно приелось, он хотел было перевестись из своего небольшого городка со светлым названием Богородск в Нижний Новгород, но на резюме даже никто не ответил.

Свет потух. Энтузиазм тоже.

Пришлось идти по трудовым стопам отца. Покойный батя всю жизнь тянул провода в бригаде электриков. Много пил. Часто пренебрегал правилами безопасности. Это в итоге его и стукнуло. Поэтому, когда у Артема встал вопрос трудоустройства, идти в бригаду отца, общаться с мужиками, с которыми тот закладывал, и с которыми его, пьяного, отпустили устранять разрыв на высоковольтке, не было ни малейшего желанья.

Однако, видя, как мать бежит с работы на работу, пытаюсь вытянуть семью, в которой кроме нее и Артема есть еще пятилетняя Софа, Артем все-таки пошел в бригаду.

Взяли сразу. Несмотря на то, что зарплата неплохая, желающих в снег, дождь и ветер, рано утром и поздно ночью выезжать в самую глушь и возиться с километрами проводов и кабелей было немного. Тем более отца Артема помнили и уважали: кто-то называл его «без башки, но с руками», кто-то просто молчал, когда вспоминали тот день, и от этого молчания становилось еще неприятнее.

На должности стажера в ремонтной бригаде с окладом в 25 тысяч рублей нужно перекапаться всего три месяца, а там зарплату поднимут почти вдвое. Возможно, даже удастся избавиться от роли «шестерки». Правда, Артему верилось с трудом. Коллеги были старше сорока. Ему же буквально на днях исполнилось двадцать четыре.

«Разве что кого-то помладше возьмут», подумал Артем, и эта мысль подпрыгнула в нем вместе с кузовом. «Хотя куда? Бригада укомплектована: водитель, бригадир, два мастера и он, “шестерка”. Ну а вдруг? Вот саданет десятитысячник, например, водилу Николая Николаевича, усатого дядьку пенсионного возраста, представится он, как и батя, и возьмут на рулевое место какого-нибудь парнишку с механизаторского. Будет этот кент с пушком над губой бегать за водкой и слушать поучения от пьяных товарищей».

Мысли вылетали из Артема на кочках одна за другой, как камешки из дырявого кармана. И чем дальше он раскручивал эту внутреннюю шарманку, тем тяжелее становилось.

Интересно, если новые коллеги ему надоели за один вчерашний день, то что будет дальше?

Привыкнет. Как в больнице. Как все и везде привыкают. Человеку свойственно привыкать: и к хорошему, и тем более к плохому. В этом и есть суть выживания и эволюции: приспособляться. Только вот приспособляться не хотелось. Хотелось наоборот: чтобы жизнь дернулась и пошла по другой колее.

Артем прокручивал все это в голове и с каждым новым кругом чувствовал, как внутри нарастает тупая тяжесть. Не о такой жизни он мечтал. Ему всегда хотелось быть в центре ярких событий, ощущать крутые повороты судьбы, принимать сложные решения, которые могут изменить мир. Хотелось чувствовать, что ты не просто день за днем латаешь чужие «перебои», а сам являешься чем-то важным, большим, непроходным.

Но он здесь. Едет в плохо пахнувшем кузове с мужиками.

«Ничего», уговаривал себя Артем, как будто был сам себе и другом, и врачом. «Скоро подружимся. Будем бухать вместе. За дни рождения проставляться. Чекушки таскать на смену с куском сала в газете. Травить похабные анекдоты. Вспоминать прошлое. А потом напьюсь, полезу на столб и...»

Бах!

Поток дурных мыслей оборвала огромная земляная яма. ГАЗон ухнул в нее так, будто провалился в другой слой земли. Крепкие соседи по кузову, Андрей Ефимыч и Костя, не удержались и плюхнулись в угол.

«Вот! Надо было двумя руками держаться», злорадствовал про себя Артем, и сразу же испугался этой злости, как будто она была не его.

Андрей Ефимыч, дядька возрастной и суровый, с седой щетиной и пивным животом, будто услышал Артемову мысль и показал кулак. Странный. Держался бы, кто мешал.

Сорокалетний Константин, имеющий жену-стерву и двух подстать жене дочерей, лишь тяжело вздохнул и снова уселся на лавку, как человек, у которого сил спорить не осталось уже давно.

Интересно было наблюдать за этими двумя. Две противоположности: грубый небритый гуляка и стройный чистовыбранный подкаблучник. Как будто специально судьба посадила их рядом: выбирай, кем будешь в будущем.

Вот тебе свобода и всякие бабоньки, но вечно грязная рубашка и близкие, которые тебя не уважают. А вот чистота, порядок, семейный быт, но дома вместо любви долбежка клювом в лоб. Должен быть третий путь.

Должен.

Артем еще вчера это понял, когда познакомился с Николаем Николаевичем. Бригадир иногда звал его Ник Ник. Старичок, который для своего возраста на удивление крепок, тепло отзывался о супруге, ласково называя ее Пелечкой. Пелагея, видимо.

- А мне Пелечка яиц наварила с собой, да попутала, положила несколько сырых. Потекло все в сумке... хех, - рассказывал Николай Николаевич, посмеиваясь в густые седые усы. - Звонит потом, ревет как белуга... Чего ревешь, говорю, дуреха? Чай не золотые яйца побились, а?

И вот в этом смехе было что-то крепкое, правильное, человеческое. Не показное. Не бравадное. А настоящее, будто железное ведро: простое, но надежное.

Другое дело бригадир, Михаил Сергеевич Барышников. У него все с семьей и жизнью как надо: жена заведует столовой райпотребобщества, дочь учится в педуниверситете, сын где-то на стажировке в гражданском флоте. Барышникову бы самое то работать каким-нибудь министром в городе. И лицо подходящее: в меру упитанное, в меру строгое, в меру серьезное, в меру веселое. Всего в меру.

Но, видимо, из-за того, что всего в меру, и работа у него в меру высокая: показывай работягам, где что крутить и что тащить, и все. Зато можно в кабине ездить, а не в кузове. Вот он потолок.

«А мой где потолок?» думал Артем.

А вооот он. На, получай.

Еще одна кочка, и все подскочили чуть ли не до потолка. Последний рубеж. Приехали.

Из фургона Артем выползал так, будто по дороге принял на грудь: взъерошенный, помятый. Час пути по бездорожью потрепал его знатно. Остальные, конечно, привыкли. День обещал быть скучным, монотонным и очень жарким. Конец июня 2018 года выдался сухим и теплым. И потому бригаду уже вторую неделю гоняли на так называемые факультативные работы.

Все плановые ремонты закончили еще в начале месяца, ЧП в такую погоду почти не случались, а чтобы люди не простаивали и «отрабатывали зарплату», отправили на профилактику старой ЛЭП, которая шла к окраине Нижнего через Богородский район. Старые покосившиеся опоры, обвисшие провода... До капитального ремонта руки начальства, видимо, не доходили, а вот послать работяг латать и без того перемотанные кабеля было самое то. По крайней мере, так говорил Андрей Ефимыч.

Артему было все равно. Надо сделаем. Нет и слава Богу.

Он еще не знал, что этот рядовой выезд переломит всю его жизнь, разделит ее на «до» и «после».

- В общем, у нас с вами четыре часа на все про все, - командовал Барышников, заправляя рубашку за ремень. - Ефимыч и Костя, давайте готовьте кабель на этот участок, вон где стык. А ты, Темка, сгоняй по линии до конца поля, проверь, все ли чинно.

- Давай я с ним что ли спрыгаю, а, Михал Сергеич? - кинул из машины Николай Николаевич.

- Сиди, Ник Ник. Такое солнце! Напечет потом мне рулить? Ты свое дело, мы свое... - буркнул бригадир.

Он всегда с утра заряжал подчиненных знатной долей пинков, а к обеду уже шутил и даже подбивал уехать с объекта раньше времени, мол, никому не скажем. Поэтому никто на утреннюю ругань не обижался. Так, обычный распорядок.

- Ну как знаешь. Мое дело предложить... Будешь просить откажу, - прокхекал Ник Ник, но без злости, с привычной хриплой веселинкой.

Барышников убежал в противоположную сторону, поглядывая на ЛЭП, словно та могла спрятаться или натворить что-то внезапное. Ефимыч с Костей уже крутили провода, а Артем неспешно побрел через поле, задрал голову.

«Бинокль бы дали, что ли... Как я увижу на такой высоте целостность провода. Да еще солнце, зараза, прямо в глаз», ругался он себе под нос. Сначала ругался тихо, почти прилично, но чем дальше уходил от машины, тем смелее становились слова. Поле, как известно, любит откровенность.

Вообще Артем не любил ругаться. Матерился только в исключительных случаях, чаще ради забавы, пародируя неотесанного престарелого мужика: вставит в разговор с приятелями какую-нибудь «твоюмать» и довольный. А вот когда дело доходило до серьезных разборок возле кафе или на дискотеке, он предпочитал унижать противника культурно. Он умел.

Сказалось книжное детство и театральный кружок при школе. Потом был КВН в училище. А совсем недавно общение с охранником в больнице, который до пенсии, как оказалось, работал «в культуре» и разговаривал с такими интонациями, будто каждый день читал вслух. Из-за начитанности новые знакомые воспринимали Артема как слабого зубрилу. Но получая от ботана в зубы, резко меняли мнение.

У девушек он тоже всегда пользовался популярностью. Жилистый парень невысокого роста, с густыми русыми волосами, редкими конопушками на аккуратном носу и ярко-зелеными глазами привлекал их больше, чем тупые накачанные сверстники. К тому же он умел ухаживать. Воспитание матери: пока отец пропадал на работе или в загуле, мама бережно учила сына жизни.

Он понимал, что нужно женскому полу, какие темы цепляют, кого они хотят видеть рядом. Но, несмотря на все свое искусство оболъщения, по-настоящему влюбиться Артему не довелось. Шесть романов он разрывал сам, честно и откровенно объясняясь. И все равно получалось так же, как если бы он просто исчез: слезы, сопли, причитания. Последний шанс, как ни крути, давить на жалость.

Но Артем был непреклонен. Он считал: если любовь закончилась, значит, она толком и не начиналась.

А вот ЛЭП, думал он, всегда имеет начало и всегда имеет конец. Начинается где-нибудь на АЭС или на гидроэлектростанции, а заканчивается, как правило, в доме у какой-нибудь несчастной многодетной семьи на окраине деревни или на даче у противного старика. И это, между прочим, честно: линия не притворяется.

А может, и любовь так же? Выработало ее сердце, как ГЭС, погнало по венам-проводам, от одного дома к другому, от одной судьбы к следующей. Дала любовь свет и радость всему вокруг, а потом раз, и закончилась в темной камере с отсыревшими стенами и матюками из соседней комнаты. А дальше отключение за неуплату. И темнота. Навсегда. Ну или пока новые жильцы не выкинут старую мебель, не сделают ремонт, не заменят проводку, не вкрутят яркие лампочки.

Тогда, может, поживет еще любовь немного. Только вот дальше ей бежать все равно некуда. Дальше тупик. Конец линии.

Бинокль Артему не понадобился. Слабое место было видно отчетливо, едва оно показалось из-за горизонта. Одна из опор линии электропередач накренилась так, что провода едва не касались земли. Два открытых кабеля прижались друг к другу так близко, что даже немного искрились, раскачиваясь на ветру.

Эти провода были похожи на молодую парочку накануне первого поцелуя и первого прикосновения: уже близко, уже страшно, уже смешно, но все еще не случилось. Только здесь вместо смеха было сухое потрескивание, и вместо нежности могло бахнуть так, что полполя бы подпрыгнуло.

«Надо бы сообщить», подумал Артем, но радики ему никто не выдал, а связи на телефоне не было. Он обошел местечковую техногенную катастрофу со всех сторон. Может и рухнуть, и коротнуть как следует. Нужна капиталка, а не «перемотать да поехать». Видимо, ураганом в начале месяца задело. Был такой в этих местах: в интернете писали, что в одном из сел неподалеку крышу с дома культуры сорвало. ЛЭП выстояла. Покосилась, конечно, знатно, но выстояла. Серьезного замыкания не было, автоматы не отстрелили, и у диспетчера ничего не отобразилось.

А вот Артем пошел и нашел.

«Молодец. Может похвалят? Премию выпишут? Повысят? Мечтать не вредно».

Он подошел ближе и почувствовал небольшое покалывание в теле. Воздух стал плотный, звук немного глухой. В глазах помутилось, поплыло, будто кто-то распыллил серебряную пыльцу. Артем протер глаза. Постоял, прислушался. Снова посмотрел вверх. Искры выскакивали редко, как нервные вздохи. Ветер был слабый. Значит, прямо сейчас не хлопнет.

«Простоит до завтра точно, если ветра сильного не будет. Почти месяц же простояла, чего уж», прикинул Артем. «Пускай влюбленные провода поворкуют еще немного».

И все-таки оставлять это было глупо. Не его уровень решать, сколько оно простоит. Его уровень увидеть и донести. Но как донести, если связи нет?

«Ладно. Дойду до конца участка, посмотрю, что там творится, а потом назад. Лицом к лицу доложу».

Пройдя еще метров триста, Артем уперся в небольшой перелесок. Просеку, вырубленную территорию в лесу, по которой должна по всем правилам проходить линия, но почему-то не проходила.

Вскоре Артем вышел на следующее поле. Тут подведомственный участок заканчивался. Дальше забота какого-нибудь другого Артема, другого Барышникова, другого Николая Николаевича.

По грунтовой дороге вдоль поля неспешно пыхтел ГАЗ-53. Артем заметил машину и почему-то решил дожидаться, пока она проедет мимо. После этого в обратный путь. В их деле лучше не торопиться: вернешься раньше и заставят делать еще что-нибудь, да потяжелее. Размерно надо работать, этому его больница научила.

И да, посмотреть на раритетную технику было интересно. Он всегда удивлялся, как местным мужикам удается держать такие древние агрегаты на ходу. К удивлению Артема, ГАЗик не выглядел потрепанным: блестящие голубые крылья, свежий деревянный борт открытого кузова. Он будто не ехал, а плыл по пыльной дороге, рождая за собой серые клубы.

На расстоянии примерно ста метров Артем рассмотрел номер: 24-58 ГО.

«Ничего не бояться местные. На учет поставить? Да зачем», усмехнулся он про себя.

Тем временем машина подошла так близко, что Артем и не заметил, как стоит уже посреди грунтовки и перекрыл ГАЗику путь. Водитель дал по тормозам.

- Твою-то мать! Очумел, что ли?! - Закричал, высунувшись в открытое окно, водитель.

- Простите. Я засмотрелся, - попытался оправдаться Артем и машинально шагнул в сторону.

Он и правда засмотрелся. Сначала на машину, а теперь на водителя. Статный усатый мужик в серой кепке, с пышной кудрявой челкой под ней, сурово и вместе с тем по-отечески смотрел на Артема. И в этом взгляде было что-то знакомое. Смешливый прищур, добрая улыбка, будто сейчас наругает и тут же простит.

Кого-то он напомнил Артему. Может, из больницы? На скорой, что ли, работал? А может пациентом был.

- Дык может отойдешь, чудак? - Продолжал усатый, лет сорока на вид.

Артем явно знал этого человека, но никак не мог вспомнить откуда. Смотрел завороченно, как будто в голове шевелилось воспоминание, да никак не могло вылезти.

- Мы с вами знакомы ведь? Вы в больнице лежали в прошлом году? Я там тоже был. Меня Артем зовут. Помните? - Спросил он, хотя сам понимал, что это сейчас вообще не важно.

- Отродясь не болел так шибко, парень. Ты нарядный, что ли, а? - Посмеялся усач.

- Да он, похоже, с другой больнички ушел, с психической, - прилетел женский голос из кузова, и следом раздался дружный бабий хохот.

Артем сделал два шага назад и посмотрел в кузов. Там сидело человек пятнадцать женщин: кто в платках, кто в косынках, кто в мужской белой рубашке, кто в длинном старомодном платье. В углу были приставлены десятки деревянных граблей и рогатин. Везли явно на сенокос.

- Да нет же, он с цирка! Все уехали, а он остался. Гляди, костюм как у Никулина! - Добавил кто-то, и смех пошел волной.

Артем осмотрел себя: ярко-оранжевая футболка, синий комбинезон с большими пластмассовыми защелками на подтяжках, на грудном кармане желтая надпись «Электросети». Действительно, со стороны могло выглядеть, как спецкостюм клоуна, который перепутал манеж и поле.

Поспешив оправдаться, он сообщил, что электрик и ремонтирует тут линию.

- Вы ее сначала постройте, а уж потом ремонтируйте, - отмахнулась молодая девушка в светло-бирюзовом платочке.

И почему Артем сразу ее не заметил?

Теперь он прилип к ней взглядом так, будто кто-то щелкнул рубильником внутри груди. Из-под платка выбились золотые пряди, подчеркивая плавный контур юного лица. Большие теплые голубые глаза. Чуть вздернутый нос. Спелые розовые губы. Артему показалось, что он рассматривает ее не секунды, а часы.

Время будто замедлилось. Или, наоборот, дернулось назад, как пленка, которую перематывают.

- Надь, ну чего ты? Они ж благо делают нам, - осадил девушку усач-водитель.

- А чего?! Света что не было, что есть. Все одно с перебоями работает. Когда обещали хорошую электронику нам в деревню провести? - Не унималась Надя, адресуя слова отцу, но смотря неотрывно на Артема.

«Чего городит? Линия-то проведена давным-давно. Вон аж со старости покосилась на ветру. Ничего нет хуже неопытных экспертов и диванных аналитиков», подумал Артем и едва не улыбнулся. Но улыбка не вышла: он боялся моргнуть, чтобы не сбить это странное ощущение.

- И проведут! Председатель обещал! - Кричал через кабину отец, поправляя кепку, которая и так сидела ровно.

- Ну, бааать, ты один и веришь в эти сказки...

Ага, значит это ее отец, догадался Артем, и от этой мелочи стало как-то спокойнее, будто он получил важную справку о реальности происходящего. Пока шла перепалка, он успел рас-

смотреть верхнюю часть ситцевого платья Нади: аккуратную грудь, стройную шею, тонкие пальчики, которыми она держалась за доски по-мужски крепко.

- А с какой деревни-то вы? - Резко прервал спор Артем, сам не понимая, откуда в нем эта смелость.

- Чего? - Отвлекся усач.

- Где у вас проблемы с электричеством? Я сообщу, приедем, исправим. Делов-то.

- Дык с Васильевки мы. Вон, за холмом. Ладно, поехали, сено ворочить пора. А мы тут с тобой лясы точим. Давай, бабы, запевай, что ли! - Гаркнул отец.

И женский хор в кузове затянул: «Когда весна придет не знаю... Пройдут дожди, сойдут снега... но ты мне улица родная...»

ГАЗ-53 попылился дальше. Артем стоял на прежнем месте, до последнего провожая машину и ловя глазами бирюзовый платок в кузове, как будто это была не ткань, а знак, за которым теперь обязательно надо идти.

Обратно Артем шел медленнее. По дороге он машинально ел собранную землянику и размышлял о встрече.

«Надо же, до сих пор по старинке сено заготавливают. Я про сенокос и поездки в кузове всем селом только от бабули слышал. Удивительно. Где-то айфоны продают, нанотехнологии осваивают, а тут люди как ворошили сено руками, так и ворошат».

Он возвращался той же дорогой, но был так увлечен мыслями, что даже не заметил покосившуюся опору и целующиеся провода. Прошел мимо, как мимо чужой беды. И только потом, спустя секунды, память дернулась: «Стоп. Там же...»

Но было поздно. Он уже шел дальше, и внутри все равно был не провод и не опора, а Надя.

- Чего так долго, а? Ягоды жрать приехал или дело делать? - Напал на вернувшегося Артема бригадир.

- Проверял. Обнаружил сломанную опору там, у перелеска. Провода висят опасно, искрят даже, - отчитался Артем, стараясь говорить ровно.

- Постоит неделю?

- Думаю, месяц уже так стоит. Ничего вроде.

- Ладно. А то надо рванину эту сначала заменить, а потом и до туда доберемся, - отрезал Барышников, как человек, который привык отгонять от себя лишние мысли.

- Там еще местных встретил. Говорят, в деревне у них перебои с электричеством. Надо бы, наверное...

- Кого встретил? - Вмешался вспотевший и взъерошенный Ефимыч, держащий провод и кусачки. - Тут до ближайшего населенного пункта километров пятнадцать, не меньше. И питаются они не от нашей сетки. Городит, бляха.

- Да тут за холмом Васильевка, - попытался парировать Артем.

- Васильевка лет двадцать как заброшена. Вон у Николаича спроси. Он отрезал ее от сети. Да, Ник Ник? - Бросил Ефимыч и ушел обратно мотать провод.

- Точно так и есть. Так и есть, - проскрипел Николай Николаевич, будто выдыхал эти слова, и поправил кепочку рукой.

Артем хотел сказать еще что-то, но у него не сходилось. Он же видел. Он же слышал. Он же говорил. Женщины. Песни. Надя. Платок. Грабли. ГАЗ-53. Какое «заброшена»?

Мысль застряла в горле колючкой. Не сейчас. Потом разберусь, решил Артем, потому что Барышников уже сунул ему моток и велел тащить к опоре, на которую собирался лезть Константин.

Работа на солнцепеке закипела. Провода заменили быстро и профессионально. Настолько быстро, что поехали домой пораньше. Михаил Сергеевич снова порадовал бригаду сокращенным днем.

Когда загружали в фургон инструмент, обрезки кабеля и лестницу, Артем заметил погрустневшего Ник Ника. Старичок сидел за рулем с открытой дверью и смотрел в небо тяжелым, размытым взглядом. Нездоровится, наверное.

- Андрей Ефимыч, а сколько у нас водителю лет? - Перекрикивая рык мотора и лязг железа, спросил Артем на обратной дороге.

- Николаевичу? - Зачем-то переспросил Ефимыч.

- Ну да. На пенсию не пора ему?

- Место его занять, что ли, хочешь? - Сразу наехал Ефимыч.

- Не, просто он уже в возрасте. Думаю, тяжело ему может.

- Он еще нас с тобой переживет, знаешь, сколько сил у мужика? Кремень! Сколько ему, Кость? Знаешь? Восемьдесят, что ли, с чем-то...

- Восемьдесят пять будет скоро. Скинуться надо будет на подарок. Сергеич скажет, я думаю... - пробурчал из угла Константин и снова ушел в себя.

Артем пытался это представить. Восемьдесят пять. По жаре весь день за рулем, по ухабам, по пыли, по нервам. И при этом еще шутит, еще живет, еще Пелечку ласково зовет.

- Ветеран труда! - Вдруг снова подал голос Ефимыч, словно продолжал чужие мысли. - Наград и званий больше, чем у губернатора нашего. Говорят, даже Чубайс ему в свое время руку жал, хвалил за работу.

- Уволить такого нельзя, - добавил Константин. - А сам не хочет на покой. Он с семьдесят первого года баранку крутит. Контора десять раз названия меняла, начальники менялись как перчатки. Половину уж закопали. А Николаевич вон... чего ему делается.

Назад ехать было легче. Не так напряжно. Артем слушал и удивлялся, а в голове все равно жила другая сцена: бирюзовый платок, голубые глаза.

На подстанции решили задержаться в гараже и распить пару бутылочек «шайтан-воды», как выразился Ефимыч. Николай Николаевич угостил тремя несъеденными вареными яичками и куском соленой рыбы. Балык, как он сказал.

Но пить не стал, сослался на жару и давление. Отбыл домой на велосипеде. Остальные, включая Барышникова, изрядно приняли на грудь.

Утром просыпаться было тяжело. Опоздавшего на десять минут Артема Михаил Сергеевич, как у них тут водится, отчитал. И Ефимычу тоже досталось.

Интересный мужик этот Барышников: вчера наливал пополей, пить заставлял, песни пел, путая слова и коверкая мотив, а сегодня стоит огурцом и ругает собутыльников.

Вот как лопать с начальством.

Сегодня поехали снова на Горбатое поле менять провода. Горбатым его называли потому, что оно больше походило на холм, чем на привычное ровное русское поле.

Сегодня Ник Ник был в хорошем расположении духа. Шутил, подкалывал, напевал какую-то старую песню себе под нос. «Наверное, давление нормализовалось», подумал Артем.

Ефимыч, сходи посмотри там эту гребаную опору, про которую Тема вчера говорил. Чего там по работе будет... раздавал утренние пинки Барышников.

- Михал Сергеевич, самого молодого, что ли, нашел? У меня дел по горло! Вон малой пусть сбегает, снимет на телефон, - отмазывался Ефимыч.

- Опять пропадет шельма... Да ну хрен с ним, беги, Темка! Только быстро! Посчитай, сколько кабеля надо и надо ли опору менять, - махнул рукой бригадир.

Чего делать? Побежал.

Правда, как ГАЗон скрылся за холмом, шаг Артем значительно убавил, а после и вовсе поплелся, высматривая по полю землянику. Вчера он еще держался бодрее, а сегодня организм, отягощенный «шайтан-водой», ныл и просил тихой жизни. Но тихой жизни тут не было.

Скрюченная опора по-прежнему опасно висела с гудящими и слегка искрящимися проводами. Даже смотреть было неприятно: как будто человек на одном суставе стоит и вот-вот хрустнет, не выдержит.

Глупо оставлять такую беду «на потом». Шарахнет, и свалят всю вину на Артема: мол, не доложил о серьезности ситуации, ввел начальство в заблуждение. Дык докладывал же.

На всякий случай он снял и видео, и фото, и даже селфи сделал на фоне аварийного места. Селфи выглядело дико: помятый электрик, перекошенная опора, над головой белое небо и тонкие искры, будто у линии плохое настроение.

«Если что - я тут был, все видел, все рассказал. Вот доказательства. Смотрите», - заключил он про себя и сунул телефон обратно.

Через просеку виднелось соседнее поле. Вот оно было ровное, русское, как с учебника. Не то что это горбатое. И тут же Артем вспомнил вчерашнюю встречу: ГАЗ-53, усатый водитель, ржущие бабы в кузове и... Надя.

«Сходить бы. Увидеть ее еще раз. Или поговорить. А вдруг она сегодня там, на том поле, сено ворочает? Я быстро, одна нога там, другая...».

Он даже не додумал мысль до конца, как сорвался с места и побежал за перелесок. Первые пару шагов дались тяжело. Артем снова почувствовал себя неважно. Тело выдавало какие-то импульсы, в глазах поплыло. Но еще пару шагов и все прошло. Жара.

На поле никого не было. Машина тоже нигде не виднелась. На грунтовке свежих следов не было.

«Значит, еще не проехали. А вдруг и не поедут сегодня. Ну а что, поворошили - день полежит, на третий собирать. Так бабушка рассказывала...».

И тут мысль, уже совсем наглая, всплыла сама собой:

«А что если до деревни сбегать? Мол, линию ремонтирую, дайте водички попить, приотомился. Тут же недалеко, усач говорил, за холмом».

Пока бежал, Артем думал, что скажет Наде.

«Вон она какая дерзкая - отошьет на раз-два. И с чего ты взял, что у нее парня нет? У такой должен быть. Обязательно. А может и не один. Все парни в деревне за ней бегают, плюс из соседнего села приезжают. А может из Богородска или даже из Нижнего. Получу по башке - сто процентов. Школу она закончила, интересно? А если нет? Вот мне стыдоба будет. А если вышку получает в городе? Что спросить-то? “Привет, я Артем, помнишь, я вчера вам под колеса бросился?” Дурак... “Я тот парень, которого ты вчера опустила ниже плинтуса”. Мда. Да как пойдет, все равно!»

Грунтовка вывела его на вершину холма, с которого открывался шикарный вид на деревню.

«Вот же она. Вот деревня. Чего натрепали Ефимыч с этим старым валенком? “Нет, мол, там ничего”. Один пропилил мозги, другой - без пяти минут маразматик...».

Артем спустился с холма по дороге, которая прошивала небольшую деревушку домов в тридцать насквозь. На окраине - колодец. Рабочий еще, вон ведро. Окна изб в ярких резных наличниках. Дощатые тротуарчики от главной улицы к домам. Древний тракторишко почивает на обочине - под ним засаленный мужичок ковыряется. Собака на цепи. Кошка лапу лижет на заборе.

Несколько домов, что были в зоне видимости, заколочены. Жильцы, видимо, съехали.

Пятьдесят третьей нигде не было видно. Нади тоже. Да и вообще людей в деревне не было - только тракторист.

- Здравствуйте! А вы тут... - обратился Артем к засаленному мужичку, но не успел договорить.

- Твою-то мать! Чего пугашь?! - встrepенулся тракторист от неожиданности.

- Я электрик. Линию чиню тут у вас, - быстро пояснил Артем.

- Ааа... мастер-ломастер. Давно пора. А то все только обещают... - буркнул мужичок и снова полез взглядом под днище.

- Скажите, пожалуйста, а где все? - осторожно спросил Артем.

- Кого надо тебе? - настороженно бросил небритый сухой мужик, будто насквозь пропитанный соляжкой, машинным маслом и потом.

Артем почему-то соврал, сам не понимая, зачем:

- Да мне... водителя ГАЗика надо. Усатый такой, - выдал он.

- Колю, что ли? Увез бабье царство на сенокос, - ответил тракторист уже спокойнее.

- Не было вроде машины туда, - Артем показал направление, откуда пришел.

- За озеро, на старые поля поехали. Я там вчера много накопил - ворочать поехали. А я, сучья башка, поломался. Кардан клинануло и все, представляешь. Сначала, значит, поскрипывал... ну думаю, леший с ним, а потом пошел, пошел... - разошелся мужик, явно соскучившись по слушателю.

Артем не выдержал:

- А Надя? - резко перебил он.

- Чего Надя? - ошеломленно пролепетал тракторист.

- Надя, дочь его, тоже уехала? - уточнил Артем, и сердце у него стукнуло громче, чем надо.

- Надька-то... бегала тут вроде, - непонимающе бормотал собеседник, а потом разулыбался беззубым ртом. - А ты, часом, не жених ли? А?

Артем сам удивился, как быстро в нем поднялась дерзость. Может от стыда, может от жара, может от того, что слишком долго думал про нее.

- А если и так? Где живет она? - задиристо ответил он.

Тракторист ткнул пальцем в сторону улицы:

- Третий дом по левой, - бросил он и тут же скрылся под трактором, как улитка в панцирь.

Артем пошел.

Дом оказался здоровенным, пятистенный, с резным крыльцом, большим двором, ухоженным огородом и цветастым палисадником. Наличники на окнах были искусно вырезаны: в деревянных кружевах угадывались русалки, цветы и звезды. Красота такая, что в городе за это деньги берут, а тут стоит - как будто так и надо.

Нади рядом не было.

Артем поднялся на крыльцо и трижды громко постучал. Замка на двери не было. Как, впрочем, и на многих домах, мимо которых он шел.

«Удивительно. Не запирают двери, уезжая черт знает куда. Или все друг друга знают. Или чужих тут просто не бывает».

И тут же его осенило: сейчас Надя откроет - а он не знает, что сказать.

«Что я скажу? Боже...»

Но дверь не открылась.

- Кого надо? - раздался вдруг за спиной строгий женский голос.

Артем вздрогнул и резко обернулся. На тропинке стояла Надя.

Она была в том же бирюзовом платке. В одной руке - пустое ведро, в другой - лопата. Солнце освещало ее лицо, и она жмурилась, будто не хотела отдавать глазам лишнее - берегла. И при этом смотрела прямо, уверенно, с той самой дерзостью, которая вчера так зацепила Артема.

Он застыл.

На это лицо можно было смотреть вечно: оно было полно жизни, молодости, будущего. Оно было прекрасным - и от этого в груди у Артема снова начинало искрить.

- Вы прекрасны, Надя? - выпалил он, уставившись на девушку.

Он даже сначала не понял, что озвучил свои мысли. Казалось, реальность и подсознание перепутались, как провода на той самой сломанной опоре.

Через секунду, которая длилась как полчаса, до Артема дошло: он сказал это вслух. И сказал не так.

«Ужас. Сейчас она ударит меня лопатой - и будет права».

Но Надя не ударила.

- Что вы сказали? - уже мягче и смущеннее пробормотала она и чуть наклонила голову.

Она внимательно изучала Артема, будто решала, кто он: нахал, шутник, дурак или... что-то еще. Артем, сам не веря себе, повторил:

- Я сказал, что вы прекрасны, - произнес он уже тверже.

- Вы пришли сюда... только затем, чтобы сказать мне... это, Артем? - отрывисто, чуть заигрывая спросила Надя.

- Вы... вы помните меня? - ожил Артем.

- Ну да. Артем. Электрик с дороги. В смешном костюме, - улыбнулась она.

- Это я. Верно, - кивнул Артем, и улыбка сама собой полезла на лицо, как у человека, которому вдруг разрешили дышать.

- Так вы пришли в деревню, чтобы сказать мне комплимент? - продолжала Надя, явно испытывая его.

- Нет... то есть да. То есть не только. В общем... мне просто хотелось познакомиться с вами, Надя, - запинаясь, пытался пояснить Артем. - Эмм... ну вот оказалось, что вы меня помните, а я знаю, как вас зовут... Ой. Может, вам помощь нужна? Хотите, я помогу по хозяйству?

Надя прищурилась, будто проверяла, не врешь ли.

- Да я уже убралась везде... - спокойно ответила она, продолжая жмуриться на солнце.

- На речку пойду полоскать. Хочешь - понеси таз с бельем.

Неожиданно Надя перешла на «ты». Артема это одновременно обрадовало и напугало. Будто они стали ближе, но звучало это дерзко, живо, и от этого становилось еще более волнительно.

Через несколько минут Артем уже нес большой таз из нержавеющей стали, с горкой набитый мокрым бельем. Пахло мылом, водой и чем-то домашним, теплым, как память. Надя шла впереди, иногда быстро оборачиваясь и проверяя, идет ли Артем.

Сейчас она была улыбочивая, приветливая. Совсем не такая, как вчера в кузове. Выпавшие из-под платка золотые пряди трепетали на ветру. На фоне полевого разноцветья она казалась не деревенской, а какой-то книжной - будто сошла с картинки, но при этом была живая и настоящая.

По дороге Надя иногда срывала травинку и прикусывала ее, как будто так проще думать.

Подожли к небольшой полевой речке. На берегу был сколочен аккуратный деревянный плот. Надя ступила на него и повернулась.

- Дальше я сама. Знаю я, как мужики полощут. Раз-два - и готово, - сказала она, и в голосе у нее звенела улыбка.

- Чего? - попытался уловить смысл Артем, но в голове у него все еще гудело от ее близости.

- Давай таз, говорю, - ответила Надя, едва сдерживая смех.

- А, да. Пожалуйста. Держи, - Артем решил тоже отказаться от «выканья», чтобы не выглядеть совсем уж инопланетянином.

Надя старательно полоскала белье, потом крепко отжимала его тонкими пальцами и выкладывала на край плота. Артем сидел на берегу, смотрел на воду, на птиц в небе и на Надю. Временами молчали, и это молчание было не неловким, а густым, как летний воздух: в нем было место и словам, и улыбкам, и паузам.

После очередного отжима простыни Надя утерла рукой пот со лба и начала разговор, как будто специально вернулась на землю:

- Так как там наше электричество поживает? - спросила она.

- Хорошо. Точнее не очень. Одну опору ураган почти уронил. Скоро будем менять, - ответил Артем.

- Новую линию давно обещали нам построить, а то постоянно свет отключают, - пожаловалась Надя и выдохнула, словно ей надоело жаловаться, но по-другому она не умела: если больно, значит надо сказать.

- Разберемся, я думаю, - кивнул Артем и решил, что пора переводить разговор туда, где он сам не будет деревянным. - Надя, а чем ты занимаешься? Ну, в свободное от сенокоса и полоскания время?

Надя сдержанно засмеялась:

- Дрова колю да коров дою, - бросила она звонко, но, подумав, добавила серьезнее. - Поступать буду в августе в пединститут в городе.

- В Мининский универ? - уточнил Артем, сам не зная, зачем ему это, кроме как чтобы продолжать слышать ее голос.

- Наверное. А ты? Провода мотаешь? - спросила она и снова принялась за дело.

- Да. Третий день на новой работе. До этого в больнице розетки чинил. Училище закончил. Живу с мамой и сестрой. Ей пять. София. Вот, - вывалил Артем все одним махом.

Надя фыркнула:

- Я бы с тобой в разведку не пошла - все вывалил как на духу, - сказала она, но без злобы.

- Ладно, шучу. А я с батей и мамой тут. Сбежать бы хоть поскорее...

И тут Артем, не успев подумать, ляпнул:

- Давай сбежим! - перебил он.

Сердце у него ударило так, будто внутри включили высокое напряжение.

Надя резко повернулась и долго смотрела на Артема. Их глаза встретились. Улыбка медленно сошла с ее губ, лицо стало настороженным. Будто она в одну секунду решила проверить его на прочность: можно ли доверять этому человеку, можно ли ему открывать двери в свою жизнь.

Артему ничего не оставалось, как упрямо смотреть в ответ и ждать.

Он никогда не был таким прямым. Обычно в нем соседствовали технарь и гуманитарий: гуманитарий аккуратно обхаживал, медленно погружал девушку в разговор, в юмор, в доверие. А тут будто технарь проснулся: резкий, конкретный, быстрый.

Электричество внутри требовало именно такого Артема.

Надя, не отводя взгляда, спросила так же решительно:

- Куда? - прозвучало от нее.

Артем сглотнул:

- Куда угодно... если ты хочешь этого, - выпалил он.

Надя смотрела еще полминуты, а потом громко рассмеялась - чисто, широко, как будто с нее сняли тяжесть.

- Какой ты смешной, Артем! Помоги мне белье унести домой. Там, наверное, уже мои вернулись, - сказала она.

Народ с поля и правда уже вернулся: перекладывали в большой сарай грабли, вилы и прочий деревенский инструмент. Отец Нади стоял у своего ГАЗика и что-то горячо обсуждал с мужиками, подъехавшими к нему на лошади, запряженной в телегу. Лошадь фыркала, перебирала ногами и косилась на людей так, будто ей тоже было, что сказать.

Надя вдруг сбавила шаг, и голос у нее стал другим, не веселым, а осторожным, как будто она вспомнила, где находится.

- Дальше не ходи. Батя ругать будет. Он строгий у меня, - сказала она и остановилась у первого дома в деревне, будто поставила невидимую черту.

Артем почувствовал, как в горле пересохло. Он не хотел уходить. Слишком быстро все случилось: вот она появилась на тропинке с ведром и лопатой, вот они уже шли к реке, вот уже разговаривали, смеялись, и кажется, что знакомы не второй час, а второй год.

- Когда мы еще увидимся? - спросил он, и в этом вопросе было больше, чем просто «когда».

Надя посмотрела на него чуть снизу вверх. В ее взгляде мелькнуло то же самое, что и на дороге вчера: дерзость, любопытство и какая-то внутренняя тревога, будто она сама себе не доверяла.

- Завтра я в поле до вечера. Приходи на другой день, - бросила Надя. Забрала таз с бельем и пошла к дому, но тут же резко развернулась, вернулась к Артему и, поцеловав его в щеку, добавила: - Спасибо за помощь!

Поцелуй был коротким, почти детским, но Артему показалось, что ему в лицо ударил ток. Он стоял, не двигаясь, пока Надя не скрылась за калиткой.

Артем поднимался на холм счастливый. Внутри все было готово взорваться от переполняющей радости. Это было новое чувство, очень приятное и одновременно страшное: как будто ты держишь в ладонях что-то горячее и драгоценное и боишься уронить.

Все прочее моментально потеряло ценность. Казалось, ничего нет важнее надиных губ, ее соблазнительного взгляда и пьянящего запаха, в котором смешались солнце, трава, мыло и что-то совсем ее, не объяснимое словами.

Но телефон в кармане зазвонил. Резко, грубо, будто выдернул Артема за шиворот обратно, в свою жизнь.

На холме мобильник поймал связь.

- Где тебя, собака сутулая, черти носят, а?! - орал в трубку бригадир. - Уже домой, етить, ехать надо!

Артем глянул на экран и только тогда понял, что солнце давно пошло вниз. Время и правда было почти к пяти вечера. Он пробыл в Васильевке больше четырех часов.

И значит, сейчас точно влетит.

Он почти бегом пошел назад. И снова, как и вчера, не запомнил, как прошел мимо сломанной опоры. Будто на этом месте у него в голове образовывалась белая дырка: провода искрят, опора косяя, а он проходит и не видит, потому что в глазах стоит бирюзовый платок.

К машине он подошел уже когда кузов был загружен, двери хлопали, мужики забирались на места.

Барышников кричал сначала издали, потом рядом, потом уже на подстанции. Слова у него были те же, что и у всех начальников мира: «безответственный», «работа», «тебе что сказано», «тут не детсад», но орал он так, будто Артем лично сорвал ему отпуск и украл зарплату.

- Полно те воздух сотрясать, Михал Сергеич, - вступился Ник Ник, который по-прежнему был весел и улыбочив, будто ему этот крик не клеился к сегодняшнему дню.

- Не надо, не защищай. Таких лодырей сразу учить надо, а то потом хуже будет, - объяснил Барышников, тыкая указательным пальцем в Артема.

- Молодой, чего взять... Давайте-ка лучше наливочки моей отведаем, а? - заговорщицки, насмешливо сказал старик, поправляя одной рукой кепку, а другой доставая из рюкзака бутылку с коричневой жидкостью. - Праздник!

- Точно ж, Николаевич, двадцать шестое июня сегодня, - бросил проходивший мимо Константин.

Артем, который стоял с опущенными руками и еще не до конца вернулся в себя после Васильевки, переспросил:

- А что за день такой? - уточнил он, переводя взгляд то на Костю, то на Барышникова, то на Ник Ника.

Ник Ник прищурился, будто на секунду снова увидел что-то давнее.

- Хех... Считай, шестьдесят пять лет, как мы с Пелечкой бок о бок тремся, - весело пояснил он. - Эта, как ее... Железная свадьба. Так в газетке написано.

- Охренеть. Полтинник - золото, а шестьдесят пять - железо, - сухо заметил Ефимыч.

- Эдакая девальвация семейной жизни, - нашелся Барышников, и на минуту в его голосе даже зазвенела ирония, не злая, а усталая.

- Как это вы, Николаич, так долго промучались? - вмешался Константин.

Ник Ник посмотрел куда-то выше их голов, будто на потолке гаража было нарисовано небо 1953-го.

- Дык мы не мучались. Живем и живем... Как сейчас помню: двадцать шестого июня пятьдесят третьего зеленые с Пелечкой побежали в контору к председателю, мол, пиши нас. Эх, такой светлый день был...

- А ты знаешь, Ник Ник, что именно в этот самый день в пятьдесят третьем Берию повязали? - противно засмеялся Ефимыч, туша бычок в пепельнице из консервной банки и тыкая грязным пальцем в смартфон.

Ник Ник медленно покачал головой.

- Вечно ты ложку дегтя бросишь в медок, Андрей, - сказал он. - А тремя месяцами ране Иосиф Виссарионыч представился... Ну и что теперь? Не жить тепереча? Не радоваться? Детей не рожать...

На последней фразе он осекся и резко погрузился, будто вспомнил что-то такое, о чем не говорят.

- Давайте уж примем немного, да я побегу. Жена ждет ведь, - добавил он уже тише.

Поздравили Ник Ника, пожелали здоровья ему и супруге, выпили по две стопки и на закончившейся бутылке разошлись.

Весь вечер и весь следующий день Артем думал исключительно о Наде. Он представлял, как говорит с ней, как держит ее за руку на берегу, как обнимает и целует в молодые губы. Если бы его попросили рассказать, как прошел четвертый рабочий день, он бы не вспомнил ни одного разговора и даже, что делал на Горбатом поле.

Помнил только одно: он должен туда вернуться.

И почему он не взял у нее номер? Не спросил фамилию, чтобы найти в соцсетях? Эти вопросы Артем задавал себе снова и снова, так часто, что они начали звучать как тик.

- С тобой все хорошо, Тем? Как на работе? - спросила мама вечером, когда Артем, отказавшись от ужина, лежал на кровати и смотрел в потолок с глуповатой легкой улыбкой.

- Да, ма, все хо-ро-шо. Даже очень хо-ро-шо, - задумчиво ответил он.

- Артем влюбился, влюбился, влюбился... тили-тили тесто... - сразу поймала настроение брата Софа.

- Софка, щас получишь у меня, - по-отечески буркнул Артем, но без злости.

- Ну хватит. Давайте спать. Я устала, сил нет уже, - подытожила мама и повела укладывать дочку.

Да. И правда, сил нет.

Только это было не то «сил нет», когда устал и хочешь тишины. Это было «сил нет ждать» - следующего утра, следующей возможности, следующей встречи.

Утром пошел дождь. Грозовые тучи нависли над Богородском так низко, будто город можно было накрыть мокрым одеялом. Сегодня Артем не опоздал. Он не мог. Казалось, он вообще не спал: встал бодрый, с пульсом в висках и ощущением, что его жизнь наконец-то куда-то пошла.

Но Барышников быстро вернул его с небес на землю.

- Так, мужики, давай пакуй СИПы и кронштейны. На завод поедем, колым есть, - бросил он, даже не дав Артему толком поздороваться.

У Артема внутри все оборвалось.

- Как на завод? А на поле как же? Опора там, провода... надо же там... - цеплялся он за слова, как за поручень в том ГАЗоне.

- Какие поля, парень? Упал, что ли? Молнией по сраке давно не получал? В выходные поедем, наверное. Давай помоги Косте загрузиться. Ник Ник, давай сюда, сейчас выезжаем! - отрезал Барышников.

Последний раз Артему было так обидно и плохо, когда матери позвонили и сказали, что с батеи стряслась беда. Казалось, тот разряд, который убил отца, разделился и теперь малыми дозами весь день бил Артема по душе.

Рабочий день тянулся вечно. Прокладывали изолированные провода по двум цехам цементного завода. Пыль лезла в нос, в рот, липла на кожу. Шум стоял такой, будто рядом постоянно работала огромная мясорубка.

Артем делал свое дело машинально. В голове было другое.

«Как там Надя? Чем занимается? Ждет меня? Или смеется над своей вчерашней слабостью? Родители, наверное, в поле не поехали: дождь, гроза».

К концу смены дождь прекратился, небо прояснилось, и свежий влажный ветерок обдувал лица электриков, которые собирались домой. По дороге от подстанции Артем судорожно думал, что лучше сделать: уехать в Васильевку сегодня вечером или завтра уйти туда пешком с полей.

«А что если завтра снова плохая погода? А что если снова на завод? А что если Надя завтра уедет?».

Он уже знал ответ. Все эти внутренние обсуждения были только для того, чтобы услышать себя, утвердиться и сделать шаг.

Не заходя в дом, Артем попросил у соседа скутер.

- Артем! Тема! Тем! - кричала мама в открытую форточку.

Но ветер в ушах и громкий пульс внутри заглушал ее. Он ехал по ухабистой дороге на закате дня. Песок изредка кидал скутер в стороны. Белые мошки врезались в лицо. После дождя щебетали птицы. Артем не замечал ничего. Он ехал из точки А в точку Б. Это был просто путь, который нужно преодолеть как можно быстрее.

Справа показалась натерпевшаяся от урагана ЛЭП. Вон там у леса, вдалеке, виднеется косяк опоры с целующимися проводами. Скоро холм и деревня.

Артем решил ехать по более ровной грунтовке, которая идет не под линией, а левее. Эта дорога должна была выйти как раз к той, что ведет в Васильевку.

Скутер поднялся на гору. Стали видны дома.

И в этот момент Артема накрыло паникой. Не той, которая «ой, страшно», а той, которая холодная, как вода из колодца: внезапно, без объяснений, и от нее сразу немеют пальцы.

Крайний дом был сильно просевший и покосившийся, стекол в окнах не было. Черными страшными глазницами он смотрел на Артема. Колодец неподалеку едва можно было различить в густых зарослях борщевика: торчала лишь ободранная крыша с тремя досками, словно кость из земли.

От дома справа остался только обгоревший остов.

Второй дом. Третий. Четвертый.

Все заброшено. Заколочено. Забито. Забыто.

«Как такое могло произойти за сутки?»

Артем остановил скутер, слез и несколько секунд просто стоял, не двигаясь. Голова начала пульсировать болью так, будто его череп пытались разжать изнутри.

«Это невозможно», повторял мозг, как заклинание. «Так не бывает. Не может быть».

Он пошел вперед по заросшей дороге, уже почти не чувствуя ног. Он бешено рассматривал останки домов, то и дело оборачивался, будто его кто-то зовет по имени. Но вокруг была только тишина и шорох травы.

«Где трактор? Где засаленный тракторист? Где кошка на заборе? Где куры? Где цветы в палисадниках? Где белье на веревке? Где жизнь?»

Где Надя?

Нет. Это не та деревня. Это не Васильевка. Я перепутал. Может, она дальше. Или левее. Или за другим холмом», - пытался удержаться он за хоть какую-то возможность.

И тут взгляд остановился на окнах некогда большой пятистенки. Облезшие наличники с русалками и цветами кольнули в сердце так, будто кто-то ткнул ржавым гвоздем.

Это было то самое крыльцо.

Та самая резьба.

Тот самый дом.

Васильевка.

Артем сжался от злобы и неразберихи внутри. У него не было сил ни на мысли, ни на выводы. Только на одно: бежать.

Он схватил скутер, завел и, не оглядываясь на мертвую деревню, устремился домой. Он еще ничего не понимал, но слезы уже текли из глаз и, подхваченные ветром, пропадали в пыльном хвосте за спиной.

В этот вечер он сильно напился в одиночку.

Жуткое похмелье разбудило Артема утром. Во рту было сухо, голова гудела, как трансформатор под перегрузкой. Сестра уже была в садике, мать на работе.

На столе стоял стакан воды, лежали две таблетки «Цитрамона» и записка:

«Сынуль, я не знаю, что у тебя произошло, но береги себя. Барышникову позвонила, сказала, что ты заболел. Люблю тебя. Мама».

Глава 2.

Похмелье оказалось не просто физическим недомоганием, а предчувствием чего-то необъяснимого. Голова гудела, словно трансформаторная будка под перегрузкой, виски пульсировали в унисон с тревожными мыслями. Но самым странным оставалось не это. Самым странным было то, что Артем видел вчера в Васильевке: опустевшую, мертвую деревню. Не «кажется», не «может быть», не «показалось». Он помнил детали слишком отчетливо: заколоченные дома, пустой колодец в борщевике, черные глазницы окон.

Он пытался списать это на усталость, на алкоголь, на собственную фантазию, на что угодно. Но каждый раз возвращался к одному и тому же: он был там. Он стоял у того самого дома. Он видел те же резные наличники, которые вчера сияли свежей краской и кружевом, а сегодня облезли и посерели, как кожа старика.

Записка матери на столе заставила собраться. Вода, две таблетки и простые слова: «береги себя». В этих словах было больше поддержки, чем во всех бригадирских «давай-давай».

Артем понял, что ему нужно разобраться. И единственное место, где можно было хоть что-то понять, это поле. Та самая сломанная опора. Та самая искра. Та точка, где, возможно, и треснула его реальность.

Снова к Васильевке.

Ехать на чужом скутере он не решился. Голова еще кружилась, руки были ватные, а желудок скручивало от одной мысли о дороге. Пошел до работы пешком. Шел и думал, что скажет бригадиру, как выкрутится, как объяснит вчерашнее исчезновение. Но в какой-то момент понял, что ему плевать, что скажет Барышников. Ему важно другое: Надя, деревня, провода, и то, что не сходитя ни в какие рамки.

На подстанции его встретили быстро и неприятно.

- Здрасьте! Ты ж болеешь вроде как? - иронически бросил Барышников, как только увидел Артема.

- Мне лучше, - сухо ответил Артем и прошел мимо начальника, не глядя.

- Да я уже чувствую твою болезнь, - скривился Барышников, махнул рукой и куда-то спешно зашагал, бросив через плечо: - Твою опору ставить едем. К десяти бур подтянется. Собирай манатки живо.

Слова «твою опору» неприятно кольнули. Артем хотел сказать: «Не моя она. И не я ее ломал». Но промолчал. Сейчас было важно другое: туда едут. Значит, он снова окажется рядом с тем местом, где все началось. Если там есть ответ, он должен его увидеть.

Артем зашел в «офис». Если так можно назвать это помещение. Крашенные стены наполовину в синий, обшарпанные столы, просиженные и покосившиеся стулья. На стенах висели то желтые бумаги с приказами, то распечатанные глупые картинки из интернета. Даже пивная этикетка нашла себе место, как будто тоже была частью производственного процесса.

В кабинете его встретили настороженные и уставшие взгляды Андрея Ефимыча и Кости. Они что-то пробурчали, вроде поздоровались, и продолжили лениво натягивать робу. Работать, да еще и в такой день, никому не хотелось. Было видно, что вчера они тоже «праздновали» по-своему. Только у каждого это выглядело по-разному: у Ефимыча в глазах сидела злая бодрость, у Константина серое равнодушие.

Следом за Артемом ввалился Ник Ник. Бодрый, будто вчера вообще не существовало.

- Нук, чего возитесь?! А ну прыгай в машину, Барышников вон бесится уже, - поторопил старик. - ЛЭПка сама себя не починит, а.

И произошло странное: Ефимыч и Костя, которые только что сидели с едва натянутыми штанами, через секунду уже стояли у двери, полностью готовые. Как успели? Артем моргнул и даже не понял, где потерял эти секунды. Похмельное сознание будто проматывало время.

- Артемка! Ну давай! - грохнул Ник Ник.

- Пять минут дайте, - выдохнул Артем, сам не зная, что именно собирается сделать за эти пять минут.

По взгляду Ник Ника было понятно: пять минут он дает. Но не больше.

Дверь захлопнулась, и будто чужие руки достали у Артема телефон. Он не «решил» искать. Он «начал» искать. Пальцы сами ввели запрос: Васильевка Богородский район нежилая.

Экран выдал сухие строки, и от этих строк стало холодно:

«Васильевка — деревня в Богородском районе Нижегородской области... находится в зоне хвойно-широколиственных лесов, на берегах реки Великой... образована в XIX веке... располагался храм... колхоз имени Октябрьской революции... с 1999 года является нежилой... нежилой... является нежилой...»

Артем повторял это сначала про себя. Потом губы начали шевелиться без звука, как будто он читал молитву. Затем он прошептал.

- Нежилой... - сказал он вслух.

Слово было как приговор. Как клеймо. Как печать на лбу.

Если деревня нежилая с 1999-го, то кого он видел? С кем говорил? Чьи песни слышал? Чьи руки держали грабли? Чьи губы коснулись его щеки?

И главное: если нежилая, то почему там были люди? Почему там была Надя?

Артем поднял глаза и посмотрел на стену, будто надеялся увидеть там трещину в реальности, через которую все это пролезло.

- Нежилой... - повторил он уже тише и спрятал телефон.

Через минуту он уже сидел в кузове ГАЗона. И снова дорога, снова ухабы, снова привычные мужицкие тела рядом, снова запах железа, пота, солярки. Только теперь Артем держался не за лавку, а за мысль. Вернее, за то, что от мысли осталось.

Яма, на которой в прошлый раз подлетели Ефимыч и Костя, снова дала о себе знать. В этот раз они удержались, а Артем больно ударился головой и рухнул со скамьи на пол.

Мужики неожиданно громко рассмеялись. Этот грубый гогот, эта боль в затылке и грязь на ладонях внезапно вернули Артема в реальность.

Вот она жизнь. Вот она боль. Вот он смех. Вот дыхание. Вот руки и ноги.

- Вылезай! - послышался глухой голос Ник Ника из кабины, когда машина остановилась, скуля тормозами.

Все вышли.

Воздух казался плотным и влажным, как перед грозой. И было еще что-то: едва осязаемое покалывание, будто поле заряжено, будто земля под ногами помнит, что по ней недавно пробежал разряд.

Ник Ник, всегда словоохотливый, вдруг замолчал. Он нервно озирался по сторонам, как человек, который что-то чувствует, но не хочет в это верить.

- Чего-то здесь не так, - пробормотал старик.

Артем хотел спросить «что именно», но не успел. Потому что все замерли и смотрели в одну сторону.

Там, у покосившейся опоры, где вчера провода «целовались», сейчас происходило другое. Провода сошлись в дикой схватке, бросая разряды и прыгая в воздухе, как две змеи. Вокруг них висело полупрозрачное переливающееся облако. Оно то едва касалось земли, то поднималось выше ЛЭП.

Облако пульсировало слабым светом, как дыхание. Цвета перетекали друг в друга: нежно-голубой становился фиолетовым, изумрудный уходил в багряный, а потом все снова начиналось. Завораживающий калейдоскоп, от которого хотелось отвести взгляд, но невозможно было.

Артем шагнул ближе. За ним, будто на веревке, потянулись остальные.

Каждый шаг давался странно. Воздух густел. Казалось, ноги идут по воде. Земля под подошвой слегка вибрировала. И в голове, как на плохой пленке, начали мелькать непонятные образы: лица, куски дороги, чьи-то руки, какие-то окна.

Облако не просто светилось. Оно будто втягивало в себя окружающий мир, искажая перспективу. Деревья за ним казались призрачными, контуры расплывались, а звуки глохли, словно их кто-то накрывал ватой.

Артем почувствовал, как страх ползет по спине. Не панический, не «убежать», а животный, древний.

- Что это такое?! - тяжело выдохнул Артем.

Ник Ник перекрестился и упал на колени. Начал что-то бормотать, и в этом бормотании было больше смысла, чем в любой инструкции по технике безопасности.

Облако резко увеличилось в размерах.

Ефимыч машинально потянулся к рации.

- Да вы что, охренели... - начал он, но договорить не успел.

Мощная волна ударила в сторону электриков и машины.

Стекла разлетелись вдребезги. Ник Ник, Ефимыч, Костя и Барышников отлетели назад, как куклы. И, судя по тому, как они упали, сознание их выключилось одним щелчком.

Артем остался на месте.

Казалось, разряд прошел сквозь него насквозь. Он рухнул на землю, прижался лицом к пахучей траве. Тело сдавило со всех сторон, будто его зажали в тиски. В ушах зазвенело. В глазах потемнело.

И в следующее мгновение он тоже потерял сознание.

Когда Артем очнулся, он все так же лежал на земле. Голова кружилась, тело болело, но первое, что он понял: он жив.

Он сел на корточки и огляделся.

Облака больше не было.

Как не было и ЛЭП, машины, коллег по работе.

Ни ГАЗона. Ни сломанной опоры. Ни бригадира. Ни Ник Ника, который еще минуту назад стоял рядом. Ничего. Пустота.

Только Горбатое поле и больше никого.

Сердце у Артема ухнуло вниз. Это чувство было хуже ужаса. Оно было пустым, ледяным: «они исчезли».

Он поднялся, шатаясь. Посмотрел влево. Вправо. В сторону просеки. В сторону дороги. Ничего.

- Эй! - крикнул он хрипло. - Михал Сергеич!

Тишина.

- Ник Ник! - снова крикнул он.

Ни ответа, ни эха. Только ветер и какие-то дальние птицы.

И в этот момент Артем ощутил то, что потом будет сидеть в нем долго: вину. Не разумом, а нутром. Как будто это он привел их сюда. Он нашел эту опору. Он сказал про нее. Он был рядом. Он выжил. Они исчезли.

Почему он остался? Почему именно он?

«Куда они делись?» - мысль вспыхнула и начала жечь.

Он представил лица: злой Ефимыч, усталый Костя, важный Барышников, живой и добрый Ник Ник. И вдруг понял, что не может представить их мертвыми. Но и представить их «где-то» тоже не мог. Как это: человек был, и его нет? Это не укладывалось.

Он огляделся еще раз и заметил: что-то изменилось.

На поле пропали поросли мелкой березы. Вместо них стояли аккуратные снопы сена. Дорога стала ровнее, наезженнее, с примятой травой по краям, словно по ней ходили часто и много.

Послышались голоса. На горизонте появились силуэты людей, которые бежали к Артему. Он попытался закричать, но, как в страшном сне, не смог вымолвить ни слова. Горизонт поплыл, вместе с людьми.

Артем снова потерял сознание.

Очнулся он уже в другом месте.

Первое, что почувствовал: запах дерева, печи и теплой пыли. И еще солнечные лучи на лице, мягкие, вечерние.

Он лежал на кровати, укрытый грубым домотканым одеялом.

- Очнулся, болезный, - произнес тихий женский голос.

Артем приподнялся на локте и увидел пожилую женщину в простом деревенском платье и платке. Лицо в морщинах, но глаза добрые, внимательные.

- Где я? - прохрипел Артем, и язык у него будто был чужой.

- В Васильевке, милоч. Мы тебя нашли без сознания в поле. Видно, солнышко припекло, - ответила женщина, подавая кружку с холодной водой.

От слова «Васильевка» Артема будто дернуло. Он сел резче, чем позволяла голова, и сразу поморщился от боли.

Васильевка живая.

Не заброшенная. Не заколоченная. Живая. С огородами, с коровами, с запахами.

Он огляделся: изба уютная, стены увешаны черно-белыми фотографиями. На стульях яркими цветами лежат самодельные коврики-кружочки из лоскутков. В углу массивная русская печь. За окном ухоженные огороды и пасущиеся коровы.

- Васильевка? - переспросил Артем. - Но... она же...

Женщина нахмурилась, словно Артем сказал глупость.

- Что «она же»? Деревня как деревня. Люди живут, работают. Ты, видать, нездешний?

Артем попытался встать, но резкая боль в голове заставила его снова упасть на подушки.

- Лежи, лежи, милоч. Тебе рано вставать. Отдохни. А я пока еды принесу. Ты весь день проспал, - сказала женщина и вышла.

Артем остался один. В голове у него стоял один и тот же кадр, как прибитый гвоздем: после вспышки облака больше не было... как не было и ЛЭП, машины, коллег... Он снова и снова возвращался к нему, будто к ране, которую невозможно не трогать.

Куда делись люди?

И почему он здесь?

И еще одна мысль, стыдная и упрямая, влезала между этих вопросов: Надя. Если это Васильевка, если она живая, значит Надя где-то рядом. Значит она существует. Значит он может ее увидеть.

И от этого Артему становилось одновременно легче и хуже. Легче потому, что мир не развалился окончательно. Хуже потому, что получалось так: люди исчезли, а он думает о девушке. Как так?

«Я же не могу сейчас выбирать между ними», - пытался он оправдаться. - «Я должен понять, где я, чтобы понять, что с ними».

Но внутри он чувствовал: тема любви важнее. Не потому что он плохой. А потому что любовь стала единственным, что держит его за жизнь, пока вокруг все исчезает.

Женщина вернулась с тарелкой горячей картошки и куском хлеба.

- Ешь, милоч. Полегчает, - сказала она и села рядом.

Артем ел, хотя горло сжимало. Картошка была простая, деревенская, с поджаристой корочкой кое-где, будто ее мешали не ложкой, а рукой. Хлеб пах дымком и чем-то сладким, как старый теплый амбар. Он ел быстро, как человек, который давно не ел, и одновременно медленно, потому что каждая ложка будто возвращала его в тело.

Авдотья Петровна молча смотрела на него. Не пристально, не с любопытством, а похозяйски, как на больного кота: жив ли, дышит ли, в себя ли приходит.

Артем запивал холодной водой и пытался думать сразу обо всем, но мысли не держались. Они рассыпались и снова собирались в один кадр: вспышка, переливчатое облако, удар, а потом пустота. Облака больше не было. Как не было и ЛЭП, машины, коллег. И это «не было» звучало страшнее любого «умерли». Потому что смерть хотя бы понятна. А исчезновение нет.

Он попытался представить, как это выглядело со стороны. Вот они стояли. Вот удар. Вот все валятся. Он теряет сознание. Открывает глаза, а рядом никого. Где они?

Ему стало тошно, и он чуть отставил тарелку.

- Ты ешь, милоч, ешь. Тебя, видно, тряхануло, - мягко сказала женщина. - Мужики тебя нашли. Перепугались. Думали, к утру не очухаешься.

Артем кивнул.

- Скажите, бабушка... а какой сейчас год? - спросил Артем, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. Спросил и сам испугался.

Авдотья Петровна удивленно посмотрела, будто он спросил, какой сегодня хлеб.

- Год? Да какой же еще. Семьдесят восьмой на дворе. А что? - ответила она.

У Артема по спине пополз холодок. Не по коже, а глубже, внутри. Как будто кто-то открыл дверь в морозильную камеру, и туда втянуло его сознание.

- Семьдесят восьмой... - прошептал Артем.

Не может быть.

Он родился позже. Намного позже. Получается, он попал в прошлое. И исчезновение коллег, и мертвая Васильевка, и живая Васильевка... все это теперь складывалось в страшную и одновременно логичную картину.

Логичную настолько, насколько вообще может быть логичным невозможное.

- Ты чего, милоч? Голова болит? Забыл, какой год тянется? - забеспокоилась Авдотья Петровна и чуть подалась к нему.

Артем быстро замотал головой.

- Нет, нет. Все в порядке. Просто... запутался, - сказал он.

«Запутался» было самое честное слово из всех возможных. Он действительно запутался. Только не в календаре, а в реальности.

Он глотнул воды. Руки чуть дрожали. Он спрятал дрожь, сжав кружку крепче.

- А как вас зовут? - спросил он, лишь бы удержаться за простые вопросы.
- Авдотьей меня зовут. Авдотья Петровна, - улыбнулась женщина. - А тебя как величать, болезный?
- Артем, - ответил он. - Просто Артем.
- Ну вот и ладно. Ешь давай. После еды легче станет, - сказала она и отодвинула тарелку ближе.

Артем снова взялся за еду. Он ел и думал: если сейчас 1978-й, то Надя должна быть где-то здесь. Потому что та Надя, которую он видел в 2018-м, говорила про поступление. А это значит... она была молодой именно в этих годах. Или около того.

И тут же в груди что-то стукнуло от радости, и тут же стукнуло от стыда: «Ты о Наде думаешь, а люди пропали».

Он попытался себя оправдать: если он найдет Надю, он сможет понять, как работает эта «аномалия». Потому что все началось с Васильевки, с проводов, с ее именем. Может, Надя связана с этим. Может, она ключ. А значит, думать о ней это не предательство. Это путь.

Но оправдание было тонким, как бумага.

Авдотья Петровна молчала. Потом спросила, как будто невзначай:

- Артем, а ты откуда родом?

Артем замялся. Ему хотелось сказать правду. Хотелось вывалить все, как он привык: «из Богородска, 2018-й, электрик, провода, облако, бригада исчезла». Но он понимал, что это конец. В лучшем случае его сочтут сумасшедшим. В худшем донесут куда надо.

- Я... из города, - уклончиво сказал он. - Проезжал мимо, заблудился. Видимо, сознание потерял.

Авдотья Петровна кивнула, как будто все и так ясно.

- Городской, значит... Городские они такие, слабенькие. Привыкли к комфорту, а тут поле, солнце... Не каждый выдержит, - сказала она без злобы, даже с некоторой жалостью.
- Наверное, - согласился Артем.

В этот момент скрипнула дверь, и в избу вошел крепкий парень лет двадцати пяти. Простая рубаха, штаны, лицо загорелое, глаза быстрые. По движениям было видно: человек работает много, отдыхает мало.

- Ба, кто это тут у нас? - спросил он, оглядывая Артема с любопытством.
- Это Артем, милоч. Без сознания в поле нашли. Говорит, из города, - ответила Авдотья Петровна.

Парень подошел ближе и протянул руку.

- Петр меня зовут. Внук Авдотьи Петровны, - представился он. - Ну что, Артем, добро пожаловать в Васильевку. Будем считать, что ты наш гость.

Артем пожал руку. Ладонь у Петра была твердая, мозолистая. В такой ладони не бывает пустых слов. Такая ладонь либо держит, либо бьет.

- Спасибо, - сказал Артем. - Я очень благодарен.
- Да не за что. В деревне так принято, - ответил Петр. - Ладно, баб. Я пошел. Дел по горло.

Петр кивнул и вышел.

- Петр у меня бригадиром работает, - пояснила Авдотья Петровна, когда дверь закрылась. - Как сынка мой помер, так Петька за него в колхоз пошел. Хороший он. Работящий.

Артем кивнул, но внутри у него дернулось: «бригадир». Слово больно совпало с его жизнью, только здесь оно было другое, настоящее, без офисов и ругани перед выездом.

Значит, все это правда.

Значит, он действительно в прошлом, а не в бреде.

И снова в голове всплыло: после вспышки облака больше не было... как не было и ЛЭП, машины, коллег...

«Если это время, то куда ушли они? В 1978-й тоже? Или в другое? Или...»

Он закрыл глаза на секунду, чтобы не закричать. Слишком много всего.

Авдотья Петровна пошуршала, будто поправляя что-то на столе.

- Ты, Артем, не думай ни о чем плохом. Отдохни. Завтра Петр покажет тебе деревню. Может, и работа у нас для тебя найдется, - сказала она, как будто «работа» могла лечить любую беду.

Она ушла хлопотать, оставив Артема одного.

Тишина в избе была другой, не мертвой, а живой: где-то скрипнула доска, за окном мыкнула корова, вдалеке стукнуло ведро. И все равно Артему было не легче. Он лежал, уставившись в потолок, и пытался сложить в голове две реальности.

В 2018-м Васильевка мертвая. В 1978-м она живая.

Значит, он попал туда, где она еще не умерла.

И значит, когда-то она умрет.

Что случится? Почему деревня станет нежилой? Уедут? Отключат от сети? Сломается линия, и все уйдут? Или это связано с тем самым облаком?

И снова: где его бригада?

Он попытался представить Ник Ника здесь, в 1978-м. Старик с кепкой, который в 2018-м был ветераном. Здесь он должен быть... совсем другим? Моложе? Или еще не в бригаде? Но если Ник Ник был в 2018-м, то в 1978-м он точно жив. И моложе. И, может быть, даже рядом, но не тот. Это сводило с ума.

И среди всего этого, как заноза, сидела Надя.

«Я должен найти ее», думал Артем. «Я должен убедиться, что она существует. Что это не сон. Что я не сошел с ума. Что я не просто придумал себе девушку из деревни, чтобы жить».

Только вместе с этой мыслью пришла другая, тяжелая: «Если я сейчас пойду искать Надю, а мои люди где-то пропали, кто я тогда?»

Он снова попытался оправдаться: «Надя может быть ключом. Любовь может быть ключом. А если она ключ, значит это не эгоизм».

Но сердце молчало. Сердце просто хотело Надю. И это было честнее любых оправданий.

Постепенно усталость взяла свое. Артем провалился в сон. Сон был беспокойный, обрывочный. Ему снились провода, которые искрят, будто живые, и переливчатая воронка, и лица: Ник Ник с открытым ртом, как будто хотел что-то сказать, Ефимыч с перекошенной злостью, Барышников, который кричит, но звука нет.

А потом Надя. Надя в бирюзовом платке. Она стоит на дороге, как тогда, и смотрит на Артема так, будто знает о нем больше, чем он сам.

Глава 3.

Артем проснулся от яркого солнечного света, бьющего в окно. В избе пахло свежим хлебом, молоком и теплой древесиной, которая за ночь как будто напиталась утренней прохладой. Первые секунды он даже не понял, где находится: тело еще помнило дом, кровать, мамин голос, Богородск. Но стоило ему пошевелиться, как реальность вернулась сразу, без жалости: низкий потолок, печь, фотографии на стене, чужое домотканое одеяло.

На столе стоял завтрак, приготовленный Авдотьей Петровной: миска каши, ломоть хлеба, кружка молока. Простая еда, но от нее веяло такой уверенностью в жизни, что Артему стало спокойнее. Будто этот дом умеет держать человека на плаву.

Он встал, осторожно, проверяя голову. Боль уже не была острой, скорее тупая, как после удара, но жить не мешала. Подошел к окну.

Васильевка предстала перед ним во всей своей красоте, будто специально выставила на показ то, чего в его времени уже не существовало: деревянные дома с резными наличниками, ухоженные огороды, колодцы с журавлями, пасущиеся коровы и лошади. На улице слышались голоса, смех, скрип телеги. Жизнь текла ровно, без спешки, как вода в реке.

Артем вышел из избы и вдохнул воздух. Он был другим: плотным, травяным, чистым, без городской пыли. И от этого воздуха в груди стало легче.

У ворот его уже ждал Петр.

- С добрым утром! Как спалось? - спросил он приветливо, будто Артем не падал в поле без сознания, а просто переночевал у гостеприимной бабки.
- Спасибо, нормально, - ответил Артем и попытался улыбнуться.
- Ну, тогда пойдем. Покажу тебе нашу деревню, - сказал Петр и махнул рукой в сторону улицы.

Они пошли. Петр говорил много, уверенно, как человек, который знает каждый угол. Рассказывал про колхоз, про смены, про людей, про то, кто чей, кто где живет, кто с кем ругался и кто на кого обижается. В его речи было много простых, коротких слов, но в этих словах чувствовалась крепкая реальность: здесь не рассуждают, здесь делают.

Артем слушал внимательно, стараясь запомнить детали. Ему нужно было понять этот мир, чтобы не выглядеть чужим. Чужих здесь чувствуют сразу. А он и так был слишком чужим: одежда, манеры, взгляд. Даже то, как он держал руки, выдавало в нем городского.

Но чем больше Петр говорил о деревне, тем сильнее Артему хотелось одного: увидеть Надю. Убедиться, что она здесь. Что она настоящая. Что он не придумал ее, не нарисовал из пустоты.

Он терпел. Держался. Не хотел выглядеть как щенок, который ищет хозяина по запаху. Но внутри все равно тянуло.

Они обогнули покосившийся коровник, пропахший навозом и сеном, и вышли к краю поля. Солнце уже пекло, хотя день только начинался. Петр вытер пот платком и остановился у одинокой березы.

- Вот, полюбуйся, - сказал он, обводя рукой окрестности. - Здесь вся наша жизнь. Земля кормит, земля и забирает.

Артем кивнул. Он понимал, что в этих словах не философия, а правда, сказанная так просто, что спорить с ней бессмысленно.

- Красиво у вас, - сказал он. - Только как тут люди живут? Молодежь-то в город бежит, наверное?

Петр вздохнул.

- Бегут. Работа тяжелая, развлечений никаких. Да и перспективы... - он махнул рукой. - Но есть и те, кто остается. Я, например, - добавил он и усмехнулся, будто это была его личная победа.

Артем не выдержал:

- А Надя? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал как будто просто между делом. - Она тоже собирается уехать?

Петр дернулся, и лицо у него сразу стало другим.

- Надя... - сказал он с паузой, как будто пробовал слово на вкус. - У нее свои планы. Умная девка. В пединститут собирается. А пока в колхозе работает да дома по хозяйству.

- Я могу помочь, - выпалил Артем, прежде чем успел подумать. - Я электрик. Могу проводку починить, что-нибудь по хозяйству.

Петр посмотрел на него внимательно, как на человека, которого надо взвесить.

- Ты, парень, не торопись. Здесь помощь нужна, да только не всякую принимают. Наши люди гордые, сами справляются, - сказал он ровно.

И тут в глазах Петра мелькнуло что-то, похожее на сочувствие.

- Но Надя... она хорошая, - добавил он. - Только осторожно ты с ней. Характер сильный. Да и не свободна.

Артем похолодел. Внутри будто что-то оборвалось и глухо упало.

- Не свободна? - переспросил он.

Петр отвернулся, глядя на поле, будто не хотел смотреть Артему в глаза.

- Жених у нее есть. Местный. Парень хороший, - сказал он.

Слово «жених» прозвучало как удар. Артем пытался сразу найти смысл: «жених» в деревне может быть и просто слухом, и просто «ходит да ходит». Но сердце не слушало разум. Сердце ревновало.

- Пойдем, - сказал Петр, будто поставил точку. - Пора обедать. А потом покажу сеновал. Работы там много, если, конечно, не передумал помогать.

Артем молча пошел за ним.

Обед прошел в тягостной тишине. Петр ел с аппетитом наваристый борщ, хлеб ломал руками, как будто хлеб был частью земли. Артем ковырялся в тарелке и заставлял себя проглотить хоть что-то. В груди сидело чувство, похожее на злость, но злость была не на Петра и не на Надю. Злость была на то, что жизнь опять оказалась сложнее его мечты.

Петр время от времени ловил Артема взглядом. Не злым, не враждебным. Скорее оценивающим.

И вдруг Петр, как будто нарочно, выдал:

- Батя помер. Болел. Мать сбежала. Мы вот вдвоем теперь живем, - сказал он и отставил миску. - Вижу, интересуешься.

Артем моргнул. Он не интересовался. Он был слишком занят собой. И ему стало стыдно. Но стыд быстро ушел: сердце снова подумало о Наде.

После обеда Петр повел Артема на сеновал. Там лежала гора сухого сена, сваленного как попало. Предстояло переложить, утрамбовать, навести порядок. Работа была тяжелая: пыль лезла в нос, сено кололо руки, спина ныла, солнце жарило сверху, а внутри сеновала стояла духота, как в бане.

Но Артем работал. Упрямо, молча. Он хотел доказать Петру, что он не «городской слабенкий», как сказала Авдотья Петровна. И еще он хотел доказать это самому себе. В чужом времени, в чужой деревне, среди чужих людей, ему нужно было хотя бы за что-то зацепиться.

К вечеру работа была сделана. Сено лежало ровнее, аккуратнее, будто его не просто переложили, а привели в порядок саму жизнь.

Петр оглядел результат и кивнул.

- Вижу, работать умеешь, - сказал он и достал кисет. Начал скручивать самокрутку. - Я вот все думаю... где это ты с Надькой познакомился?

Вопрос был как крючок. Артем почувствовал, что попал. Сказать правду нельзя. Соврать трудно. И тут, будто по заказу, судьба подкинула выход.

Из-за сеновала вылетела повозка. Старичок, не останавливая лошадь, крикнул:

- Петька, там коровы пришли, забирай свою!

Петр оживился, забыв про вопрос.

- А где они? - спросил он.
- Надюха на реку скотину повела поить! - бросил старик и уехал.

Артем сорвался с места так быстро, что сам не понял, как ноги понесли. Он даже не оглянулся. Он просто побежал к реке, как будто за ним гнались.

Петр остался, затушил самокрутку, поправил ворот рубахи и неспешно пошел следом, но уже было поздно: Артем не мог остановиться.

Сердце билось громко. На бегу он пытался придумать, что скажет Наде. Но слова не держались. Они рассыпались, как песок.

И вот он увидел ее.

Надя стояла у реки, рядом коровы, ведро в руке. Ветер трепал ее волосы, солнечные полосы ложились на ее плечи. Она была еще красивее, чем в его памяти. Или память просто дорисовала, а теперь реальность превзошла даже дорисованное.

Артем подошел ближе и выдохнул:

- Надя...

Она вздрогнула, обернулась. В ее взгляде мелькнуло удивление, потом что-то похожее на радость, но радость была осторожная, будто она боялась ошибиться.

- Артем? Ты здесь? - сказала она, и голос ее дрогнул.
- Я должен тебе сказать что-то невероятное...

У Артема в груди что-то раскрылось. Он хотел сказать сразу тысячу слов. Хотел рассказать, как он искал, как он не понимал, как он... Но за спиной послышались шаги.

- Невероятно то, что ты ухлестываешь за чужой девушкой! - грубо прервал их Петр, и в его голосе зазвенела злость.

Надя нахмурилась и бросила на него взгляд, которым можно было обжечь.

- Я тебе говорила, Петь. Я тебе не девушка. И не надо меня тут караулить, - сказала она резко.

Петр будто не слышал. Он смотрел на Артема, как на врага, который пришел отнять у него то, что он уже считал своим.

- Ты кто такой вообще? Первый раз вижу тебя в наших краях. В дом мой пришел, спал, ел нахаляву. Теперь еще и девушку мою уводишь! Чего тебе здесь надо? - выдал он одним махом.

Артем почувствовал, как в нем поднимается злость. Не потому что Петр кричит. А потому что рядом Надя, и этот крик делает их встречу грязной.

- Петя, давай поговорим позже, - попыталась разрядить Надя. - Артем только приехал, он...

- Что «он»?! - рявкнул Петр. - Объясни-ка мне, приезжий, чего тебе тут понадобилось?!

Артем шагнул вперед, сам не понимая, зачем. Наверное, чтобы не выглядеть слабым.

- Я приехал к Наде. И это тебя не касается, - твердо сказал Артем.

Петр сжал кулаки.

- Ах, вот как... Значит, так просто не уйдешь? - процедил он.

Надя бросила ведро, подскочила к Петру и схватила его за руку.

- Петь, успокойся! Не надо ничего выяснять, - сказала она. Потом повернулась к Артему:
- Артем, пожалуйста, пойдём отсюда. Я хочу с тобой поговорить.

Артем посмотрел ей в глаза. В них была просьба. И страх. И что-то еще, очень личное, как будто Надя сама не знала, на что идет.

- Хорошо, - сказал Артем.

Надя отпустила Петра и взяла Артема за руку. Повела прочь от реки, в сторону леса. Петр остался стоять на берегу и смотрел им вслед так, будто запоминал.

Когда они отошли достаточно далеко, Надя остановилась. Дышала часто, будто она тоже бежала.

- Прости, Артем, - сказала она, опустив голову. - Петр... он немного... настойчивый.

- Ничего, - ответил Артем. Ему хотелось сказать «я его убью», но он сдержался. - Главное, что мы можем поговорить.

Надя подняла взгляд.

Артем почувствовал: сейчас момент. Если он сейчас не скажет, он потом не скажет никогда. Но сказать правду было страшно. Потому что правда звучала как сумасшествие.

- Надя, мне нужно тебе кое-что рассказать. Очень важное. Ты мне поверишь? - спросил Артем.

Надя не ответила сразу. Просто смотрела. И это молчание было не отказом. Это было ожидание.

Артем вдохнул.

- Надя... я из будущего, - сказал он.

Надя моргнула. Секунду молчала. А потом неожиданно рассмеялась. Смех был звонкий, но в нем чувствовалась натянутость, будто она пыталась защититься.

- Из будущего? Артем, ну ты и шутник! - сказала она, вытирая выступившие слезы от смеха.

Артему стало холодно.

- Надя, я серьезно, - сказал он. - Я знаю, как это звучит. Но это правда. Я могу доказать.

Надя прищурилась.

- Доказать? И как же? Покажешь мне машину времени, спрятанную в лесу? - спросила она, и в голосе уже было меньше смеха, больше сомнения.

Артем огляделся. Ничего. Только лес, трава, вечер. И вдруг он вспомнил про часы. Современные цифровые. Он поднял руку.

- Смотри, - сказал Артем, показывая часы. - Этого не могло быть в вашем времени.

Надя перестала смеяться и подошла ближе. Взяла его руку, разглядывая. Ее пальцы коснулись кожи, и Артема будто прошило искрой.

- Странные какие... - пробормотала Надя. - Никогда таких не видела. А что это за цифры?

- Время. Дата. Это... сложно. Но таких часов здесь не бывает, - сказал Артем.

Надя отпустила его руку и отступила на шаг. В ее лице появилось что-то новое: не насмешка, а осторожность, почти страх.

- Хорошо. Допустим, я тебе поверю, - сказала она тише. - Допустим, ты из будущего. Зачем ты здесь? Что тебе от меня нужно?

Артем почувствовал облегчение: она хотя бы слушает.

- Я не знаю точно, - признался он. - Но я думаю, что причина... ты. Я должен был тебя найти. Может, предупредить. Может, помочь.

Надя оглянулась по сторонам, будто проверяла, нет ли за деревьями чужих ушей.

- Предупредить о чем? - спросила она.

- Я пока не знаю, - сказал Артем честно. - Но мы должны выяснить.

Надя молчала. В ней боролись любопытство и здравый смысл. Потом она сказала:

- Хорошо. Я помогу. Но если я почувствую, что ты меня обманываешь...

- Я не обманываю, - быстро сказал Артем. - Я говорю правду.

Надя кивнула, будто приняла условие.

- Тогда докажи, - сказала она. - Расскажи что-нибудь, что может знать только человек из другого времени.

Он заговорил про космос, про интернет, про смартфоны, про приложения, про говорящие машины без водителей, про искусственный интеллект, который пишет музыку и рисует картины. Он говорил быстро, сбивчиво, как будто боялся, что если остановится, то его сразу перестанут слушать. И чем больше он говорил, тем сильнее видел: Надя не приближается к нему, а отходит.

Сначала она просто смотрела широко раскрытыми глазами. Потом ее взгляд стал тяжелее. А потом в нем появилась злость.

- Смартфон... это как? В кармане? - переспросила Надя, и в голосе уже звучало не восхищение, а сомнение.

Артем, будто почувствовав слабинку, понес дальше:

- Представь, экран как у телевизора, только маленький. Ты пальцем нажимаешь. Там миллионы приложений. Можно заказать еду, учиться, работать. Даже управлять техникой на расстоянии...

Надя нахмурилась сильнее.

- Управлять техникой... на расстоянии? - переспросила она.
- Да. И еще... потом будут машины, которые сами ездят. Без водителя. И искусственный интеллект...

Надя резко подняла голову. Глаза ее сузились, как у человека, которого задела за живое.

- Сказки про космические корабли и говорящие машины? - сказала она жестко. - Ты думаешь, я поверю в эту чушь?

Артем моргнул, не сразу понял, что случилось. Он же хотел как лучше. Он же хотел доказать. Он же хотел быть честным.

- Надя, я не шучу, - сказал он, и голос у него сел. - Я понимаю, как это звучит, но...
- Ты хоть понимаешь, насколько это все нелепо? - перебила она. - Ты меня за дуру держишь? Начитался фантастики и решил впечатлить? Или ты просто... - она замолчала на секунду, словно подбирала самое обидное слово. - Или ты больной.

Эти слова ударили сильнее, чем любая пощечина. Потому что они были не «идиот» и не «врун». Они были про то, чего Артем боялся больше всего.

- Я могу... я могу доказать, - пробормотал он и машинально полез в карман, сам не понимая, что ищет.

И в этот момент он вспомнил телефон. Тот самый телефон, на который он снимал опору. Тот самый, который был с ним до вспышки. И которого сейчас не было.

Он шарил по карманам, по поясу, по куртке, как будто телефон мог появиться из воздуха. Пусто.

«Черт... выронил тогда. Или...» мысль не договорилась.

Надя посмотрела на его суету и отступила еще на шаг.

- Часики он мне показывает... - сказала она зло, но в этой злости звучал страх. - Ты кто вообще такой?

Артем попытался шагнуть к ней.

- Надя, подожди. Я правда... - начал он.

Но Надя уже отвернулась.

- Я не хочу это слушать, - сказала она и пошла прочь, сначала быстрым шагом, потом почти бегом.

- Надя! - крикнул Артем.

Она не обернулась.

И вот Артем остался в лесной полутьме один. Слишком тихо. Слишком пусто. Как будто его выдернули из теплого света и бросили в холодную воду.

Он стоял и чувствовал, как внутри поднимается отчаяние. Не злое, не истеричное. Просто тяжелое, как мокрое одеяло. Он хотел сделать одно простое дело: объяснить. А получилось, что он только оттолкнул.

«Дурак», сказал он себе. «Зачем ты про корабли? Зачем ты про приложения? Ей не это надо. Ей надо было услышать про нее. Про то, что ты чувствуешь. Про то, что ты...»

Он запнулся на мысли, потому что сам не знал, что он чувствует. Он чувствовал слишком много.

В кустах хрустнула ветка.

Артем резко обернулся. Из-за деревьев показался Петр. Он шел неторопливо, будто не торопился вмешиваться, но глаза у него были веселые, и это веселье раздражало.

- Ну что, пришелец из будущего? Совсем раскис? - сказал Петр с ухмылкой. - Вижу, Надька тебе не поверила. Да и кто бы поверил.

- Тебя не касается наш разговор. И нечего было подслушивать, - огрызнулся Артем.

Петр пожал плечами, словно это было смешно.

- А знаешь что? А я тебе верю, - неожиданно сказал он.

Артем поднял глаза. Он даже не сразу понял смысл.

- Чего? - вырвалось у него.
- Верю, что ты из будущего. И что у тебя там всякие штуки диковинные, - спокойно продолжил Петр. - Часы эти электронные... И вообще.

Артем не доверял этому тону. Слишком легко он сказал «верю». Слишком удобно.

- С чего бы тебе верить? - спросил Артем.

Петр усмехнулся, как человек, который любит играть.

- Да я парень простой. Чем больше диковинки, тем интереснее, - сказал он. - Слушай... а Расскажи еще. Про эти... смартфоны. Про жизнь. Мне любопытно.

Артем хотел сказать: «Отвали». Но в нем уже поднялась другая потребность: хоть кому-то говорить, хоть кому-то вылить это из головы. Потому что если молчать, то оно начнет жрать изнутри.

- Мне не до рассказов, - сухо сказал Артем.

Петр кивнул, будто понял, а потом добавил мягче:

- Я тебе даже помогу, если надо. Если ты правда не врешь, и тебе правда нужно предупредить Надю о чем-то... - он выдержал паузу. - Ну так что?

Слова «помогу» подействовали как приманка. Артем устал быть один. Устал быть чужим. И ему вдруг захотелось поверить, что хотя бы один человек здесь может стать союзником.

Он вздохнул.

- Ладно, - сказал Артем. - Только без дурасти.
- Да какой там. Пойдем, - ответил Петр. - Ужинать пора. У меня поешь. Бабка не обидится.

По дороге Петр расспрашивал. Артем рассказывал. Сначала осторожно, словно пробуя, что можно говорить, а что нельзя. Потом смелее. Он говорил о том, как люди в будущем живут быстрее, как вокруг все связаны, как можно написать человеку на другом конце планеты и получить ответ через секунду. Петр слушал внимательно, кивал, задавал вопросы. Где-то смеялся, где-то хмыкал.

У Артема даже появилось ощущение, что он нашел опору. Не электрическую, а человеческую.

Ужинали у Петра дома. Пока Авдотья Петровна доила корову, они черпали ложками суп, прикусывая большими кусками домашний хлеб. Суп был горячий, жирный, крепкий. От него становилось легче. От него мир казался проще.

Артем говорил, Петр слушал, но чем дальше шли рассказы, тем больше у Петра менялось лицо. Сначала интерес, потом сомнение, потом какая-то усталость, будто он наслушался сказок.

Артем же, наоборот, разгони́лся. Ему хотелось доказать, что он не врет. Хотелось, чтобы кто-то здесь сказал: «Да. Я понимаю».

- А еще у нас есть майонез. Его можно с супом есть! - выдал Артем, сам не понимая, почему именно майонез вдруг стал для него символом будущего.

Петр посмотрел на него так, будто Артем только что похвастался тем, что умеет дышать.

- Так это у нас уже давно есть, - спокойно сказал Петр. - Давай доедай и спать ложись.

Артем замер.

- В смысле? - спросил он, чувствуя, как у него под кожей поднимается раздражение.
- В прямом, - пожал плечами Петр. - Устал ты. И я устал. Завтра день будет длинный.

Он сказал это просто, но в этой простоте прозвучало: хватит молоть. Хватит выдумывать. Хватит трепаться.

Авдотья Петровна вернулась, молча поставила на стол кружки, что-то прибрала.

Петр встал, вытянулся.

- Бабка тебе тут постелит, как вернется. А я в чулане лягу, - сказал он.
- Давай я в чулане, - предложил Артем, потому что ему было неловко занимать место хозяина.

Петр усмехнулся.

- Ага. Чтоб ты ночью к Надьке сбежал, - сказал он серьезным лицом и тут же рассмеялся.
- Да шучу. Нормально все. В чулане прохладнее, мне там лучше.

Авдотья Петровна посмотрела на них и покачала головой, но ничего не сказала.

Этой ночью Артем спал на удивление крепко. Без облака. Без вспышек. Без провалов. Как будто мозг, наконец, устал бороться и решил: ладно, поживем тут день-два, а там разберемся.

Перед тем как провалиться в сон, он успел подумать только одно:

«Надя не поверила. Значит, мне нужно доказать иначе. Не словами. Делом».

И еще успел подумать, почти шепотом:

«Я все равно ее найду. Все равно».

Глава 4.

Утром Артем проснулся не от солнечных лучей. Проснулся от тишины, которая давит на уши сильнее любого шума, и от чужого присутствия в комнате. Сначала он даже не понял, что именно не так: просто воздух в избе стал другим, жестким, холодным, как в коридоре больницы.

Он открыл глаза.

У кровати стояли двое мужчин. Не деревенские. Одеты ровно, аккуратно, без лишних деталей. И в них было то, что Артем узнавал сразу, еще со школьных лет по фильмам и по разговорам взрослых: власть. Та власть, которая не спрашивает, а берет.

- Подъем. Пройдемте с нами, - сказал один, не повышая голоса. - Вы задержаны по подозрению в шпионаже.

Слова прозвучали спокойно, но в них было такое железо, что Артем мгновенно проснулся окончательно. Горло пересохло.

- Какое еще... шпионаже? - выдавил он.
- Вставайте, - повторил второй, коротко, без эмоций. - Одевайтесь.

Артем сел. Сердце стукнуло в ребра. Он первым делом подумал: Петр. Все это от Петра. Ночью тот слушал, кивал, смеялся, делал вид, что верит, а утром вот оно.

Артем быстро огляделся. Авдотьи Петровны не было. Тишина стояла такая, будто дом вымер.

- Где бабушка? - спросил он, сам не зная, зачем.
- Не отвлекайтесь. Одевайтесь, - ответил первый.

Одежды у Артема почти не было. То, в чем он пришел, то и осталось, кое-как. Он натянул рубаху, штаны, сунул ноги в обувь, и руки у него чуть дрожали. Он пытался держать лицо, но это было сложно. В голове носилась одна мысль: Надя. Если сейчас его увезут, он не увидит Надю. Не объяснит. Не исправит.

Его вывели на улицу.

Светало. Воздух был холодный, утренний. У дома стояла черная «Волга». Не колхозная машина, не телега. «Волга» была как печать: если она приехала, значит, шутки кончились.

На крыльце стоял Петр.

Он не выглядел удивленным. Он выглядел довольным.

И это было хуже всего.

Артем поймал его взгляд. В этом взгляде не было ни стыда, ни сомнения. Только торжество, как у человека, который наконец-то доказал, что он прав.

Петр слегка усмехнулся.

- Добро пожаловать в прошлое, - произнес он тихо, так, чтобы слышал только Артем.

Эти слова прозвучали как плевок.

Артем дернулся, но его тут же подхватили под локоть.

- Проходим, - сказал сопровождающий.

Артема усадили на заднее сиденье. Дверь закрылась мягко, но окончательно. Машина тронулась.

За окном поплыла деревня: дома, заборы, дымок над крышей, и все это вдруг стало далеким, как будто он смотрел не на улицу, а на фотографию.

В голове гудело одно: Петр предал. Петр сдал. Петр улыбнулся.

Петр.

Артем сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

Дальше было не как в кино. Не быстро и не драматично. Дальше было долго, вязко и унижительно.

Его привезли в кабинет. Холодный, пахнувший бумагой и старым табаком. Сели напротив. Начали задавать вопросы. Сначала обычные. Потом повторяли те же, но другими словами. Потом снова те же, но уже с другим тоном.

- Фамилия? - спросил следователь.
- Артем, - ответил он автоматически и тут же понял, что это не фамилия.
- Фамилия, имя, отчество, - уточнили.

Артем назвал. То, что назвал, звучало глупо даже для него: слишком современно, слишком «не отсюда». Но он уже сказал.

- Год рождения?

Он запнулся. И именно в этот момент понял, что проигрывает.

- Отвечайте, - холодно сказал следователь.

Артем сказал год. Сказал свой.

В комнате повисла пауза.

Следователь поднял глаза, посмотрел долго, будто оценивал, что перед ним: идиот или наглец.

- Повторите, - сказал он.

Артем повторил.

Кто-то рядом усмехнулся. Не громко. Но достаточно.

Потом пошли вопросы про «часы». Про «технику». Про «контакты». Про «иностранцев». Про то, почему он оказался в деревне. Про то, кому что рассказывал.

Артем пытался объяснить правду. Сначала спокойно. Потом уже горячо. Потом отчаянно.

- Я не шпион, - говорил он. - Я не знаю, как это доказать. Я... я действительно из другого времени.

- Из какого? - спрашивали.

- Из будущего.

- Это вы нам сейчас сказки рассказываете? - произносили спокойно.

- Да нет же, - пытался Артем. - Я не сказки... я...

Его слушали, кивали, записывали, но взгляд оставался один и тот же: холодный. Не верящий.

Проверки, бумаги, допросы, снова проверки. Время растянулось. Дни начали сливаться. Артем терял счет, потому что смысл терялся. Он понял только одно: здесь не ищут истину. Здесь ищут признание. Любое. Лишь бы все уложилось в схему.

А схема у них была простая: раз ты говоришь невозможное, значит либо врешь, либо больной.

И чем больше Артем упирался, тем крепче его загоняли в угол.

Потом были экспертизы. Люди в белых халатах, вопросы о детстве, о родителях, о «голосах», о «видениях». Артем отвечал честно: нет, голоса он не слышит. Да, он видел облако. Да, он видел Васильевку. Да, он видел Надю. И чем честнее он отвечал, тем более странным становился их взгляд.

Наконец, однажды его просто перевели.

Психиатрическая больница.

Слово звучало так, будто оно должно объяснить все и сразу. Будто с этим словом можно выкинуть человека из мира нормальных и поставить на него штамп.

В больнице было стерильно. Белые стены. Резкий запах хлорки. Свет люминесцентных ламп, который не греет, а режет глаза. Окно высоко, как в тюрьме. Койки ровные, как на складе.

Артем лежал первое время тихо. Не потому что согласился. Потому что устал.

Потом он снова пытался говорить. Пытался объяснить врачам, что он не больной. Что он не шпион. Что он попал сюда случайно, через аномалию, через облако, через вспышку. Он говорил об этом снова и снова.

Сначала записывали. Потом перестали.

Потом начали давать таблетки.

После таблеток мир становился вязким. Голова тяжелела. Руки будто не свои. Мысли расплзались. А самое страшное: исчезала злость. А вместе с ней исчезала и опора. Человек без злости быстро становится удобным.

Однажды он очнулся в палате и понял, что руки привязаны мягкими ремнями. Не больно, но унижительно. Как ребенку, который «может навредить себе».

Он попытался дернуться.

Ремни держали.

У него в груди поднялась паника.

«Вот. Значит, это случилось. Я сошел с ума», подумал он.

И сразу же другая мысль, тихая, убийственная: «А была ли Надя? А была ли Васильевка? А было ли облако?»

Он лежал и смотрел в потолок, и реальность распадалась. Не потому что он бредил. Потому что его заставляли сомневаться.

На какое-то время Артем провалился в некое подобие сна. Когда он снова открыл глаза, комната была прежней. Но в углу кто-то стоял.

Фигура была знакомая. Широкие плечи, грубые руки, тяжелая челюсть. От фигуры пахло табаком и соляжкой, как в детстве, когда отец возвращался со смены и садился в коридоре на табурет, чтобы не нести грязь в дом.

Артем моргнул.

Фигура не исчезла.

- Батя? — прошептал Артем, и голос у него был как у ребенка.

Отец стоял молча. Он был точно таким, каким Артем запомнил его в последний раз: уставший, с темными кругами под глазами, в промасленной робе, из кармана которой торчал моток синей изоленты. Он не выглядел как призрак. Он выглядел как человек, который только что со смены.

- Ты это... чего разлегся-то? — сказал отец. Голос был глуховатый, с той самой знакомой хрипотцой, от которой у Артема в детстве всегда становилось спокойнее.

Артем попытался приподняться, но ремни держали.

- Я... я не знаю, — выдавил он. — Меня... чем-то нашпиговали.

Отец хмыкнул, как бывало на кухне, когда мать ругала его за грязные руки.

- Нашпиговали, значит, — повторил он.

Потом шагнул ближе и сел прямо на пол, рядом с койкой, как когда-то садился на корточки возле Артема, когда тот разбирал старый магнитофон.

- Смотри, Темка, — сказал отец и постучал пальцем по своему виску. — Ты себя сейчас хоронишь.

Артем не понял.

- В смысле? — прошептал он.

Отец вздохнул, как вздыхают взрослые, когда им приходится объяснять очевидное.

- Я умер не потому, что ошибся, — сказал он тихо. — Я умер потому, что перестал бояться. А ты, Темка, наоборот: ты боишься ошибиться, как я. И поэтому вообще ничего не делаешь. Ждешь, пока само рассосется. А оно не рассасывается.

У Артема сдавило горло. Он хотел возразить, но не мог. Он знал, что отец прав. Он боялся всю жизнь: боялся, что пойдет по его стопам. Боялся, что повторит его судьбу. Боялся, что однажды тоже ползет на столб пьяным и не вернется. И этот страх делал его пассивным. Делал его тем самым «спокойным парнем», который не лезет на рожон, ждет, молчит, терпит.

- Я... я не хотел, — прошептал Артем.

- А ты не хотел ничего, — кивнул отец. — Ты, Темка, хорош тем, что ты не я. У тебя голова светлая. Руки золотые. И эта... девка твоя, она ж тебя не за провода полюбила.

Артем сглотнул.

- Откуда ты знаешь про нее? — спросил он.

Отец усмехнулся.

- Я ж не слепой. И никогда им не был. Только ты думаешь, что моя ошибка — это провод под напряжением. А моя ошибка — это что я не вернулся к мамке твоей. Понимаешь? Не в тот вечер. А вообще.

Он наклонился ближе и добавил уже почти шепотом:

- Я не от провода умер, Темка. Я умер от того, что боялся жить. А потом, когда перестал бояться, было уже поздно.

Артем лежал и чувствовал, как по щекам текут слезы. Он не вытирал их. Да и не мог — руки были привязаны.

- Что мне делать? — спросил он.

Отец поднялся, отряхнул робу.

- То, что я не сделал. Вернуться к ней. И не бояться. Понял?

Артем кивнул. Отец еще раз посмотрел на него и вдруг улыбнулся — той самой редкой улыбкой, которую Артем видел в детстве, когда отец был трезвый и приносил домой что-нибудь сладкое.

- И вот еще что, — добавил отец. — Не хорони меня. Я и без тебя в земле лежу. А ты живой. Вот и живи.

Артем рванулся в ремнях, хотел что-то сказать, хотел остановить его — но фигура отца стала прозрачной, как облако, и через секунду исчезла совсем. В углу снова была только крашеная стена с облупившейся штукатуркой.

К вечеру ремни сняли. Артем уже не дергался. Он устал. Он был как провод, который перегорел: целый, но не живой.

Дни потянулись одинаковые. Подъем. Завтрак. Осмотр. Беседы. Таблетки. Обед. Опять таблетки. Прогулка по двору, если разрешат. Тишина. Снова койка.

Иногда он слышал крики из соседних палат. Иногда смех. Иногда плач. Это было как радио, которое нельзя выключить.

Он перестал доказывать. Не потому что поверил, что больной. Потому что понял: доказывая, он только делает хуже себе. Здесь любая страсть считается симптомом.

Он молчал.

И однажды утром в палату вошел человек в белом халате. Но халат на нем сидел чуждо. Выдавали лакированные ботинки и костюм «тройка» под этим халатом, словно человек просто надел маску врача, чтобы пройти внутрь.

Седые волосы, будто выбеленные первым снегом, обрамляли лицо с морщинами, как карта. Взгляд из-под нависших бровей был пронзительным и одновременно усталым.

Этот человек не улыбался, но и не был жестким. Он был внимательным.

Он подошел ближе. От него пахло старой бумагой и тонким табаком. Запах книг. Запах кабинета, а не больницы.

Он посмотрел на Артема так, будто видел не пациента, а задачу. Или инструмент. Или ключ.

- Артем? Правильно? - спросил он тихо.

Артем кивнул. Говорить он не хотел. Боялся, что скажет лишнее.

Человек оглядел палату.

- Да-а-а... Как-то грустно тут у вас, - произнес он задумчиво.

Пауза.

Артем молчал.

Человек чуть подался вперед.

- Значит так. Меня зовут Николай Александрович. Я астрофизик. Изучаю космос. И всякие временные парадоксы, которые он может рождать, - сказал он, будто произнес это уже сто раз и устал повторять.

Артем едва заметно оживился. Внутри что-то щелкнуло: астрофизик. Космос. Временные парадоксы. Это звучало не как «успокоим пациента», а как «поговорим о сути».

Николай Александрович посмотрел на него пристально.

- Ты вообще понимаешь, что я говорю? - спросил он и резко сменил тон на более жесткий.
- Артем.

От этого «Артем» Артема будто ударило током. Не физически. Просто имя прозвучало так, будто его вернули к жизни.

- Да. Понимаю, - выдавил Артем, и язык у него был тяжелый после таблеток.

Николай Александрович кивнул, как человек, который получил нужную реакцию.

- Хорошо. Я не знаю, действительно ли ты психованный или нет, поэтому сразу перейду к сути, - сказал он спокойно. - У меня есть теория: гравитационное поле Земли может исказить пространственно-временную ткань. Искажение может выделять не только энергию, но и время. Эта теория допускает появление червоточин. И выход в другой временной отрезок.

Он говорил без пафоса, просто. И от этого было страшнее: если человек такого уровня пришел сюда и говорит это, значит, все серьезно.

Артем смотрел и не моргал.

- Видишь ли, какая штука выходит, - продолжил Николай Александрович. - Твоя история очень похожа на то, с чем я пытаюсь разобраться много лет.

Он помолчал секунду, будто выбирая слова.

- Расскажи мне все, что ты рассказывал врачам. Но мне. Лично. В мельчайших подробностях, - попросил он.

Артем сглотнул.

- Они все записывали. Я много говорил. Они сначала записывали. А потом перестали, - глухо ответил Артем.

- Я знаю, - кивнул Николай Александрович. - Я читал. Но мне нужно услышать это от тебя. Ты не бойся. Я не хочу тебя обидеть. Я хочу помочь. Понимаешь?

- Понимаю, - сказал Артем.

И тогда он начал рассказывать.

Сначала осторожно, ожидая насмешки. Потом все быстрее. Потом так, будто сорвало пробку: Горбатое поле, работа, опора, искры, облако, вспышка. Васильевка. Надя. Петр. Авдотья Петровна. Арест. Допросы. Таблетки.

Николай Александрович слушал внимательно, не перебивал. Иногда записывал что-то в маленький блокнот карандашом. И каждый раз, когда Артем запинаясь, он чуть приподнимал подбородок, как будто говорил без слов: продолжай.

Когда Артем закончил, в горле у него было сухо. Он выдохнул, словно пробежал километры.

Николай Александрович захлопнул блокнот и встал.

- Спасибо тебе, Артем. Большое спасибо. Еще увидимся, - сказал он и быстро вышел.

Дверь закрылась. Щелкнула щеколда.

И Артем остался один.

Он не знал, радоваться или бояться. С одной стороны, его впервые слушали всерьез. С другой стороны, он уже слишком много раз обжигался о надежду.

Прошло несколько часов. День тянулся, как всегда. Принесли обед. Принесли таблетки. Прилетел голубь, сел на карниз, посмотрел на Артема и улетел. Потом ужин. Потом сон, тяжелый.

Но в этот раз сон был особенно живой. Ему снилась Васильевка. Надя. Река. И ощущение, что он стоит перед дверью, за которой что-то решится окончательно.

Сон растворился, как дым над речной заводью, когда дверь палаты скрипнула так, будто ее открывали специально медленно, чтобы звук успел предупредить. В проем ворвался яркий коридорный свет. Он резанул по глазам, и Артем, не успев понять, где он, приподнялся на локтях.

На пороге стоял Николай Александрович. На этот раз без халата. В обычном костюме, строгом, темном. За его плечом, сонный, опухший, с тяжелыми веками, маячил медбрат. От медбрата пахло перегаром и кислым потом.

Николай Александрович посмотрел на Артема спокойно, будто они договорились об этом еще вчера, а Артем просто забыл.

- Собирайся, Артем, - тихо, но уверенно сказал он.

Артем моргнул.

- Куда? - хрипло спросил он.

Николай Александрович чуть приподнял бровь и обвел рукой палату.

- Или ты предпочитаешь остаться в этих великолепных апартаментах? - произнес он с сухой иронией.

Артем не задал больше ни одного вопроса. Он вскочил, натянул больничные тапки и пошел за Николаем Александровичем прямо в пижаме. Собираться было некуда и не с чем. У него ничего не было: одежду, обувь и часы забрали еще «там», на первых допросах. Он был как человек, которого стерли и оставили только голое имя.

Медбрат, не глядя, отворил наружную дверь. Ночь встретила их холодом и сыростью. Двор больницы был темный, пустой, и тишина в нем казалась подозрительной: будто рядом стоят люди, просто не видно.

У ворот ждала черная «Волга». Водитель сидел внутри и смотрел прямо перед собой, словно был частью машины.

Николай Александрович открыл заднюю дверь.

- Садись, - сказал он.

Артем сел. Рядом сел Николай Александрович. Дверь закрылась. Машина тронулась.

Ехали молча.

«Волга» мягко покачивалась на ухабах, выезжая из Горького. За окном мелькали редкие фонари, потом их стало меньше, потом они исчезли вовсе. Темнота за стеклом была густая, деревья стояли черными стенами, а дорога уводила куда-то в неизвестное.

Артем пытался понять, куда его везут. И пытался понять, можно ли доверять этому человеку. Но доверие в нем уже не работало, как раньше. Оно было сломано, как та опора: накрепко, искрит, держится на честном слове.

Наконец «Волга» остановилась у ворот какого-то городка, огороженного высоким забором с колючей проволокой. У КПП стоял охранник. Водитель молча протянул документы. Охранник посмотрел, кивнул, ворота разъехались.

Машина въехала внутрь.

Территория выглядела странно: вроде не тюрьма, но и не обычное место. Невзрачные корпуса, аккуратные дорожки, редкие фонари, тишина, как в санатории. Только колючая проволока напоминала: отсюда просто так не уходят.

«Волга» проехала мимо нескольких зданий и остановилась у трехэтажного строения с тускло освещенными окнами.

Николай Александрович вывел Артема из машины и повел внутрь.

В здании было тепло. Пахло бумагой, лаком и чем-то металлическим, как в мастерской. Коридор был длинный и почти пустой. Где-то в конце горел слабый свет. Шаги отдавались эхом.

Они поднялись на второй этаж и вошли в просторный кабинет. Кабинет был заставлен книжными полками и научной аппаратурой. На столе лежали бумаги, схемы, папки, как будто кто-то здесь жил не домом, а работой.

Николай Александрович указал на кресло.

- Располагайся, Артем, - сказал он. - Сейчас принесут тебе поесть и переодеться. А пока можешь осмотреться. Только ничего не трогай лишнего.
- А... где я? - спросил Артем, потому что молчать было уже невозможно.

Николай Александрович посмотрел на него, как на человека, который задает правильный вопрос, но слишком поздно.

- Там, где тебе не будут врать, что ты сумасшедший, - коротко ответил он. - Сиди. Я сейчас.

Он вышел.

Артем остался один. Он сидел в кресле в больничной пижаме и чувствовал себя нелепо, будто его поставили на сцену без роли. Кабинет был слишком «умный» для него. Здесь все говорило: ты чужой. Но одновременно в этом кабинете было спокойнее, чем в больнице. Здесь хотя бы было ощущение смысла.

Дверь открылась. Вошла женщина средних лет. Аккуратная, собранная, с тихим лицом. В руках поднос: чай, бутерброды. И рядом стопка чистой одежды.

Она поставила все на стол и посмотрела на Артема без любопытства, просто внимательно.

- Ешьте, Артем. Вам нужно подкрепиться, - сказала она тихо.
- Спасибо, - выдавил Артем.
- Меня Наталья зовут, - добавила она и тут же, будто вспомнив, что это не важно, кивнула и вышла.

Артем ел жадно. Чай был горячий, крепкий. Бутерброды простые, но вкусные. Еда возвращала силы, а силы возвращали мысли. Мысли, правда, были тяжелые.

После еды он переоделся в выданную одежду: простой спортивный костюм советского образца. Сел снова. Подошел к книжным полкам. На корешках были слова, которые он понимал через раз: астрофизика, гравитация, квантовые поля, временные искажения. Он провел пальцем по одной книге, остановился на другой, но читать не стал. В голове и так было слишком много текста.

В кабинет вошел Николай Александрович.

- Интересуетесь наукой, Артем? - спросил он, подходя к столу.
- Просто смотрел, - ответил Артем и отдернул руку от книги.

Николай Александрович сел напротив и сложил руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.